

ДЖЕННИФЕР
РОБСОН

САМАЯ ТЕМНАЯ НОЧЬ

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА THE USA TODAY «ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ»

Дженнифер Робсон
Самая темная ночь
Серия «Звезды зарубежной
прозы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66454742

*Самая темная ночь:
ISBN 978-5-17-135354-4*

Аннотация

Осень 1943 года. Жизнь итальянских евреев, таких как семья Антонины Мацин, становится все более опасной. Когда нацистская Германия оккупирует большую часть ее любимой родины, а над ней самой неотвратно повисает угроза тюремного заключения и депортации, у Нины появляется только один шанс выжить – оставить Венецию и своих родителей, чтобы спрятаться в деревне, вместе с едва знакомым мужчиной.

Нико Джерарди учился на священника, пока обстоятельства не заставили его покинуть семинарию, чтобы управлять семейной фермой. Как человек с высокими моральными принципами он просто не смог остаться в стороне, когда нацисты стали угрожать жизням ни в чем не повинных людей. Чтобы помочь Нине он убеждает ее притвориться его невестой. Теперь им обоим предстоит изображать счастливую пару, так, чтобы об опасном секрете не догадался никто.

Но сельская жизнь нелегка для городской девушки, мечтающей стать врачом, а провинциальные соседи Нико с опаской относятся к этой мягкой и образованной, но совсем незнакомой женщине. И, хуже всего, их недоверие разделяет местный нацистский чиновник, знакомый Нико по семинарии, имеющий к нему давние счеты. Чем больше он узнает о Нине, тем больше растут его подозрения, а вместе с ними и решимость отомстить...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава третья	29
Глава 4	48
Глава 5	66
Глава 6	79
Глава 7	91
Глава 8	101
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Дженнифер Робсон

Самая темная ночь

Посвящается ТК

© 2021 by Jennifer Robson

© Павловская, О., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

28 октября 1942 г

Давно пора было отправляться домой. Но Антонина, после того как с помощью Сандро, добрейшего из санитаров, устроила маму в кресле у окна – в самом удобном кресле, привезенном из дома, – засиделась. Она расчесывала маме волосы и описывала вслух то, что удавалось разглядеть на пьядце внизу. Можно было не сомневаться, что мама все слышит и понимает – она ведь поворачивает голову на звук голоса Антонины каждый раз, когда та приходит ее навестить. Мама крепко держит ее за руку своей здоровой рукой и сжимает пальцы чуть сильнее, когда дочка шепчет, что любит ее. Да и папа уверен, что мама их понимает, а он все-таки лучший врач в Венеции. Стало быть, вдвойне важно проводить с мамой побольше времени.

Однако колокола церкви Святого Иеремии прозвонили пять раз, так что папа наверняка уже ждет дома, а после заката ходить по городу небезопасно. Небезопасно с недавних пор.

– Мне пора возвращаться, надо помочь Марте с ужином. К тому же ты ведь знаешь: если я не напому папе, что нужно поесть, он будет читать, пока не заснет прямо за рабочим столом. Помочь тебе перебраться обратно на кровать? Или

хочешь еще тут посидеть до ужина?

Мама кивнула – это было такое слабое, неуловимое движение головой, что кто-нибудь другой и не заметил бы. А когда Антонина наклонилась поцеловать ее в щеку, мама закрыла глаза и подставила лицо – по-прежнему гладкое и прелестное – последним лучам солнца.

– Я вернусь к тебе утром, мам. Постарайся съесть все, что дадут на ужин, хорошо?

Путь домой для Антонины лежал через пьяццу, где еще кипела деловитая суeta, затем по темному соттопортего Нового Гетто и вверх-вниз по ступенькам моста. Дальше нужно было свернуть на одну узкую, неосвещенную калле, затем на другую, и наконец впереди появлялся изящный силуэт их дома, фасад которого являл собой причудливую мозаику из розоватого кирпича и охряной штукатурки. Номер дома давным-давно выцвел и стерся, но никому не приходило в голову его подкрасить. Все и так знали, что достаточно постучать в зеленую дверь – и доктор Мацин выйдет к ним в любое время суток.¹²

Антонина взбежала по ступенькам, проскрипела туфлями по свежевыванной лестничной площадке, по коридору и резко остановилась у отцовского кабинета, услышав голос.

---

¹ Соттопортего (sottoportego, *ит.*) – крытый проход, своеобразный туннель в здании, характерный элемент архитектурной планировки Венеции. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² Калле (calle, *ит.*) – улица в Венеции.

Должно быть, папа разговаривал с пациентом или записывал что-то важное, проговаривая собственные мысли вслух. С тех пор как научилась ходить, Антонина усвоила, что врываться в такие минуты без предупреждения к нему не следует, поэтому дважды постучала и подождала, пока голос не стихнет.

– Папа!

– Входи, – донеслось из кабинета, и она открыла дверь.

Доктор Мацин, вопреки ее ожиданиям, оказался не за рабочим столом, а за столиком у окна, и рядом с ним сидел один из его старинных друзей.

– Отец Бернарди! – воскликнула Антонина. – Папа не предупредил, что вы приедете. Мы так давно с вами не виделись!

Священник неловко поднялся и пожал девушке руку:

– Да, милая, прошу прощения, что не наведался к вам раньше. Твой папа сказал, ты ходила навещать маму. Как она себя чувствует?

– По-прежнему, но, по-моему, ей там хорошо. По крайней мере, хочется на это надеяться. А как ваше здоровье?

– О, не жалуясь. Устал с дороги и мечтаю выспаться в собственной постели, но в остальном все отлично.

– Рада это слышать. Марта вас чем-нибудь угостила? – Антонина задала этот вопрос из вежливости – она сомневалась, что у них есть чем попотчевать гостя.

– Я пришел всего несколько минут назад, а ты ведь зна-

ешь, как мы с твоим папой любим поболтать. Погоди-ка минутку, у меня для вас кое-что есть. – Отец Бернарди взял со спинки стула свое пальто, ощупал карманы и достал что-то завернутое в газетную бумагу. Через мгновение по комнате распространился восхитительный аромат. – Это от друзей из-за границы, – пояснил священник.

– Кофе... О, отец Бернарди, вы так добры! Пойду искать нашу *caffettiera*. Я мигом! ³

Антонина уже стояла на стуле в кладовке и рылась на верхних полках шкафа, когда к ней заглянула Марта:

– Ты что здесь делаешь?

– Ищу кофеварку. Отец Бернарди приехал. Мы не пили кофе с его последнего визита, а это было несколько месяцев назад.

Марта вздохнула в своей типичной манере – протяжно и скорбно, с ноткой возмущения:

– Теперь пойдут пересуды – к нам опять пожаловал не кто-нибудь, а католический поп. Где только твой папенька такие знакомства заводит?..

– Отец Бернарди много лет был папиным пациентом и настоящим другом. К тому же к папе всегда приходят самые разные люди. Так что, думаю, никто и внимания не обратит. – Антонина наконец нащупала выщербленный алюминиевый бок кофеварки, запылившейся от полного небрежения, и вытащила ее из дальнего угла. – А где меленка?

---

³ Кофеварка (*ит.*).

– В соседнем шкафчике.

– У нас найдется немножко сахара для кофе?

– Если только немножко. Знаешь ли, если бы твой папёнышка потрудились предупредить меня, что к нам пожалует гость, я бы напекла *bissetti*. Так что сам виноват, – проворчала Марта.⁴

Однако она в любом случае не смогла бы приготовить свои бесподобные *bissetti*. Испечь печенье у них было не из чего – наскрести муки в кладовке не удалось бы, лимоны отсутствовали, сахара хватило бы лишь на то, чтобы слегка подсластить кофе, а свежих яиц они не видели месяцами. Но напомнить об этом Марте означало бы вызвать очередной шквал вздохов. Так что Антонина вымыла миску и намолочила горстку кофейных зерен – каждое из них было редчайшей драгоценностью, на вес золота. Когда она всё встряхнула из маленькой емкости меленки и вымела остатки до единой крупинки, того, что получилось, едва хватило на две крошечные чашки кофе – каждая на пару глотков. Зато кофейную гущу можно будет потом заварить еще раз для себя и Марты, потому что даже такой кофе на вкус лучше, чем *caffè d'orzo* – «кофейный» напиток из обжаренных ячменных зерен, – хотя некоторым удастся убедить себя в том, что этот суррогат не хуже оригинала.

Впрочем, пока что Антонине достаточно было и одного аромата – она наслаждалась им, разливая кофе по очарова-

---

⁴ Вероятно, автор имеет в виду итальянское слово *biscotti* – «печенье».

тельным расписным фарфоровым чашечкам, купленным родителями во Флоренции в медовый месяц, вдыхала этот запах, расставляя чашечки и сахарницу на подносе и шагая к отцовскому кабинету. В конце концов, запах – лучшее, что есть в кофе, а таким соблазнительным он кажется только потому, что она голодная, решила Антонина. Как только поужинает, уже не станет обращать на него столь пристальное внимание.

Мужчины были так поглощены беседой, что даже не посмотрели в сторону Антонины, когда та вошла, а прерывать их она ни за что бы не стала, поэтому молча положила сахар в кофе, размешала, расставила чашки возле них и села в кресло, парное к тому, что теперь стояло у мамы в casa.⁵

Отец ей улыбнулся и выпил кофе, смакуя каждый глоток, но его внимание было сосредоточено на госте.

– Этот город, эти несколько островков – единственное место в Европе, которое для нас, евреев, похоже на землю обетованную. Мы веками жили здесь, чувствуя себя в безопасности, а теперь ты говоришь, что нам нужно покинуть Венецию. Ради чего? – Задавая вопрос, отец Антонины взволнованно повысил голос. – Ради сомнительного гостеприимства, которое могут предложить нам испанцы? Ради суматошного перехода через горы, чтобы по ту сторону швейцарцы сразу дали нам от ворот поворот?

– Если бы ты послушал меня с самого начала, – покачал

---

⁵ Дом (*ит.*). Имеется в виду дом призрения.

головой священник, – когда тебе только запретили работать врачом...

– У меня нет другой родины. Я такой же итальянец, как ты, я здесь родился и не говорю на иных языках. Что станет со мной, если я уеду? А с моей семьей, с моими пациентами? В конце концов, если не считать расовых законов, фашисты нам ничем не угрожают.

– Ты сказал об этих законах так, будто их можно считать вполне приемлемыми для нормального гражданского общества, но из-за них ты и все мои знакомые евреи лишились работы. Нет, не надо на меня хмурить брови. Вспомни, как фашисты обошлись с милейшим доктором Йоно. Ему за семьдесят, он давным-давно ушел на пенсию, а его фамилию все равно вычеркнули из официального списка врачей и отняли профессорское звание в университете. Все, что у него осталось, – титул главы местной еврейской общины, но это чистая формальность.

– Расовые законы несправедливы, в этом мы с тобой, дорогой мой Джулио, сходимся. Но я сумел приспособиться и жить дальше, как мы всегда и делали. – Папа подался вперед, так крепко сцепив пальцы, что побелели костяшки, и перешел на шепот: – Ты же знаешь, положение дел стало меняться после поражения при Эль-Аламейне.

– Если что-то и меняется, то, на мой взгляд, слишком медленно. Между тем дуче слабеет, а немцы наглеют. Гром вот-вот грянет. Грянет обязательно. Они захватят власть и в на-

ших краях – это лишь вопрос времени. Захватят, как в Австрии, да и в остальной Европе. И что потом? – Дружеский тон отца Бернарди сделался настойчивым и жестким. – Только подумай, что будет, когда они установят здесь свои порядки. Что им помешает поступить с вами так же, как они поступили с евреями в Германии, в Польше, во Франции?

– А если я все же решусь вместе с Антониной уехать в Швейцарию, что будет с моей Деворой? Она не перенесет путешествие, ты сам понимаешь. И еще ты понимаешь, что я ее не оставлю. Пока дышу, не оставлю. Какое несчастье, что она теперь в доме призрения... – Папа снял очки и принялся протирать их скомканным платком. По тому, как он сжал губы и помассировал переносицу, Антонина догадалась, что папа пытается сдержать слезы. Такое бывало с ним всякий раз, когда он заговаривал о жене, об ударе, который сделал ее беспомощной, и о мучительном, вынужденном решении поместить ее в дом призрения несколько месяцев назад.

Антонина порадовалась, что не позволила себе даже попробовать кофе, потому что сейчас, при одной мысли о том, что можно куда-то уехать, покинув маму, у нее перехватило горло и скрутило пустой желудок.

От папы не укрылись ее терзания.

– Не волнуйся, мы здесь в полной безопасности. Правда ведь? – Он взглянул на отца Бернарди, и Антонина заметила в его глазах предостережение. Но что именно папа хотел сказать другу этим взглядом, было неясно – то ли просил от-

ветить честно, то ли заклинал проявить милосердие.

Так или иначе, священник кивнул, однако его любезная улыбка не убедила Антонину.

– Пока да, – произнес отец Бернарди. – Но не забывай, о чем мы с тобой...

– Не забуду, – перебил папа. – Обещаю тебе – не забуду.

– Что ж, тогда мне пора. Я собирался заглянуть сюда всего на пару минут. – Священник тяжело поднялся на ноги, слегка покачнувшись. – Благодарю за гостеприимство. – Он обменялся рукопожатием с папой и, повернувшись к Антонине, взял ее протянутую ладонь в свои. – Я буду молиться за твою матушку, милая.

– Спасибо, отец Бернарди. Счастливого вам пути.

Пока папа прощался с другом, она собрала кофейные чашки на поднос и отнесла их на кухню. Марте, которая уже разбила за многие годы все чашки из сервиза, кроме трех, девушка их не доверила – тщательно вымыла сама, затем вытерла и поставила на полку. Когда Марта взялась готовить для всех ужин, все еще ворча себе под нос о беспокойстве, причиненном священником, и об общей неуместности его визита, Антонина вернулась в отцовский кабинет.

Папа сидел в том же кресле и, увидев ее, сразу кивнул:

– Иди-ка посиди со мной. Ты рада была повидаться с отцом Бернарди?

– Конечно.

– Я тоже обрадовался его приезду. Однако... времена

нынче тяжелые, как ты понимаешь. Он очень рисковал, придя сюда, к нам.

– Я заметила, что ты расстроен, когда принесла вам кофе.

– Так и есть. Но не из-за него. Ты ведь знаешь, какое наслаждение мы оба получаем от наших жарких споров. Меня удручает другое...

– Что? – Девушке не удалось скрыть проскользнувший в голосе страх.

Папа наклонился вперед и взял ее за руку, словно нуждался в подтверждении присутствия дочери.

– Когда я сказал, что у меня нет другой родины, это была чистая правда. И я могу мириться со всеми невзгодами и унижениями, пока у меня есть право называть себя венецианцем, гражданином Италии. Но меня удручает то, что тебе приходится жить в изоляции. Когда-то я надеялся, что ты будешь учиться в университете.

– Ты... – начала Антонина, но слова застряли в горле, она чуть не задохнулась. С трудом сглотнув, девушка немного помолчала и попыталась продолжить: – Ты никогда мне этого не говорил. Я не знала, что ты хотел видеть меня студенткой.

Антонина несколько лет втайне от папы штудировала его учебники. Втайне вовсе не потому, что боялась его неодобрения – наоборот, папа всегда гордился ее школьными успехами, и для него не было большего удовольствия, чем помогать дочке с домашними заданиями и расспрашивать, что

они проходили на уроках. Но расовые законы 1938 года лишили ее и других еврейских детей в Италии возможности учиться. Папа, сообщая ей эту новость, не выдержал и разрыдался – тогда Антонина впервые увидела, как он плачет. Поэтому она решила, что лучше брать книги из его библиотеки тайком, чтобы не расстраивать его еще сильнее, а потом читать и хорошенько запоминать прочитанное, чтобы, когда ей снова позволят ходить в школу, быть готовой.

– Конечно, хотел. И сейчас хочу. Такой умной девушке, как ты, прямая дорога в университет. Ты не можешь тратить свою жизнь в доме призрения, или в очереди за хлебом, или...

– Война не продлится вечно. Когда она закончится, я снова смогу пойти учиться.

– Сможешь, – кивнул папа. – Или же... Возможно, я сумею научить тебя тому, что знаю сам. Представим себе, что ты моя студентка в Падуе. Я скучаю по своим ученикам, но рад, что теперь не приходится часами трястись в поезде по дороге на лекции. Думаю, у меня получится сделать из тебя очень хорошего врача. Что скажешь?

– Это мое заветное желание. – Антонина заморгала изо всех сил – было бы глупо расплакаться по такому счастливому поводу.

– Нам, правда, придется приспособливаться к обстоятельствам. Полноценным образованием это нельзя будет назвать, но я дам тебе общее представление о том, что такое медици-

на, а ты решишь, подходит ли тебе профессия.

– Когда мы начнем?

– Я знаю, что ты уже несколько лет читаешь книги из моей библиотеки, так что, можно сказать, мы уже начали.

– Значит, ты заметил, да? – спросила Антонина, хотя удивляться тут было нечему: она старалась проявлять деликатность, но все-таки не очень скрывалась, когда брала книги.

– Ну разумеется. Наверное, мне надо было сразу что-нибудь сказать, поддержать тебя в твоем стремлении учиться. Однако самому важному по книгам не научишься. Ты узнаешь гораздо больше, если будешь вместе со мной посещать пациентов. Я, конечно, спрошу у них разрешения, но думаю, большинство моих подопечных будут рады твоему присутствию. Да и мне помощница пригодится.

– Значит, я буду смотреть, как ты работаешь?

– Да. Будешь смотреть и со временем научишься видеть. Будешь слушать и вскоре начнешь слышать. Так, моя драгоценная девочка, становятся настоящими врачами.

Глава 2

11 января 1943 года

Антонина рано легла спать, но глубокой ночью, когда ее разбудил стук в дверь, возникло ощущение, будто она только что заснула.

– Антонина! Мы нужны синьоре Меле.

– Да, папа.

Первое, что она усвоила, когда отец стал брать ее с собой на вызовы к пациентам, – нужно быстро вставать с постели. Времени понежиться под теплым одеялом не оставалось, и от этого просыпаться было еще тяжелее, особенно зимой. Так или иначе, Антонина вскочила, оделась и уже через пять минут была у двери.

Папа протянул ей стетоскоп и термометр – она спрятала их в самом глубоком кармане пальто. Другие вещи, необходимые для визита к пациентке, отправились на дно ее холстяной сумки.

– Кого за тобой присылали?

– Соседского сынишку. Бедный ребенок совсем замерз.

До 1938 года у них был телефон. Он стоял на столике на лестничной площадке, а рядом с ним лежали карандаш и стопка листов бумаги. Когда Антонине исполнилось десять, папа объявил, что она достаточно взрослая, чтобы пользо-

ваться телефоном, и когда девочка немного потренировалась записывать сообщения и говорить в трубку четко и вежливо, ответы на звонки стали ее почетной обязанностью. Но несколько лет назад телефон забрали, после того как папе было запрещено заниматься медицинской практикой, и теперь на столике осталась только пустая ваза.

Дождь оказался не таким сильным, как опасалась Антонина, – просто в воздухе висела водяная взвесь, и камни были скользкими и мокрыми под ногами. Яркая луна выглядывала из-за облаков, а в щели между ставнями домов пробивалось достаточно света, чтобы видно было дорогу, – здесь никто не заботился о соблюдении светомаскировки. Из всех бед, обрушившихся на Венецию, бомбардировки представлялись самой незначительной.

Они пошли по узким калле, замедляя шаг на каждом повороте и проверяя, свободен ли путь. Антонина знала, как себя вести, если они вдруг нарвутся на патрульного; по крайней мере, она надеялась, что хорошо запомнила папины наставления. Они были в гостях у родственников, должен будет сказать папа, а ей следует кивнуть в знак подтверждения. Папа пояснит еще, что они, мол, хотели дожждаться, когда дождь прекратится, но этой зимой, похоже, дожди какие-то нескончаемые. А потом им останется затаить дыхание и мысленно уповать на то, что патрульный, который их остановил, пребывает в добром расположении духа.

Они никогда не заговаривали о том, что может случиться,

если власти обнаружат, что папа посещает пациентов вопреки запрету.

Дом синьоры Меле находился в Старом Гетто, в самом конце тупика, которым обрывалась Калле-дель-Форно. Это пятиэтажное здание было одним из старейших здесь, оно веками неуклюже сидело на своем зыбком фундаменте; вероятно, даже Пизанская башня не смогла бы похвастаться такими кривыми полами.

Соседский мальчик оставил входную дверь открытой, а на высоком подоконнике их ждала масляная лампа с едва теплившимся огоньком. Папа взял лампу одной рукой, другой подобрал полы плаща, и они с Антониной начали медленное восхождение на последний этаж. Останавливались на каждой лестничной площадке, ждали, когда пройдет боль в папиных артритных ступнях, и шли дальше. Папа говаривал, что артрит – цена, которую ему пришлось заплатить за жизнь в самом прекрасном городе мира.

– Боюсь, я сегодня нерасторопнее обычного, меня и черепаха обгонит, – повинился он.

– Ничего, – отозвалась Антонина. – Лучше не спешить, чем взбежать наверх и запыхаться так, что одышка синьоры Меле покажется здоровым дыханием. Не представляю, как ей удастся преодолевать столько ступенек.

– Подозреваю, что она вообще не выходит из квартиры. Насколько мне известно, за продуктами для нее ходит синьора Спаньоло, которая живет этажом ниже.

– А у нее дома кто-нибудь прибирается? – спросила Антонина.

– Сейчас увидим. Но если там недостаточно чисто, надо сделать вид, что мы этого не заметили, – предупредил папа. – Иначе синьора Меле устыдится и расстроится, а в следующий раз постесняется меня позвать, когда ей станет совсем плохо.

Они постучали в дверь квартиры, прислушались, стараясь уловить звук шагов, а когда никто к ним не вышел, папа сам приоткрыл незапертую створку:

– Синьора Меле! Это доктор Мадин. Можно войти?

Приглушенный ответ донесся из глубины квартиры – из спальни, если Антонина верно запомнила расположение комнат с прошлого визита. Они пошли на голос и обнаружили синьору Меле в кресле у кровати. Она ждала их, накинув на плечи шаль; из-под подола ночной рубашки торчали голые ноги. Посиневшими руками пожилая дама вцепилась в подлокотники кресла, а ее затрудненное, свистящее дыхание Антонина слышала с порога.

– Дорогая синьора Меле, – начал отец профессиональным тоном, в котором звучали теплота и забота, – с вашей стороны было очень любезно встать, чтобы нас поприветствовать, но я бы предпочел, чтобы вы снова легли и устроились поудобнее. Вы позволите Антонине вам помочь? А я пока вымою руки.

Когда пациентка снова оказалась в постели и сидела, от-

кинувшись на заботливо подложенные под спину подушки, доктор Мадин приступил к тщательному осмотру. Закончив, он аккуратно подоткнул вокруг нее одеяло.

– Еще не хватало вам простудиться. Вот так. А теперь я дам вам настой, чтобы ночью легче дышалось. Антонина, ты принесла бутылочку, которую я приготовил?

Синьора Меле безропотно проглотила лекарство, но даже от этого малого усилия совсем ослабела.

– Что со мной? Почему я чувствую себя такой усталой?

– Это сердце у вас устало. Ему приходится работать больше, чем обычно, чтобы вы могли двигаться, поэтому у вас иногда кружится голова. – Говоря это, он смотрел синьоре Меле в глаза, а когда та начала нервно комкать и терзать пальцами одеяло, накрыл ее руки своими ладонями. Затем он дал ей немного времени обдумать услышанное и, как только женщина начала всхлипывать, протянул ей чистый носовой платок, достав его из кармана. – Знаю, вам очень не понравится мой совет, но я думаю, вам лучше переехать в *casa di riposo*. Вам там помогут. Вы не можете тратить силы на домашнюю работу и тому подобное. А кормят там отменно.⁶

– Но я живу в этой квартире почти пятьдесят лет, – запротестовала синьора Меле, – с тех пор как мы с Даниэле поженились. – Слезы хлынули по ее щекам, но она не стала их вытирать. – Здесь все мои воспоминания...

---

⁶ Здесь: дом призреия (*ит.*)

– Где ваши дочери? – поинтересовался отец Антонины.

– Джулия живет с мужем в Австрии. Они уехали туда за-долго до войны. Я уже много месяцев не получаю от нее ве-стей. А моя Эмма в Болонье, но она слишком занята детьми и супругом, который давно сидит без работы...

– Понятно. Что ж, посмотрим, что я смогу для вас сделать. Постарайтесь поесть, даже если не будет аппетита, но супа лучше поменьше, и не пейте слишком много жидкости.

– Спасибо, доктор. У меня есть несколько лир...

– Нет-нет, ни в коем случае. Может, вам что-нибудь при-нести, пока мы здесь? Нет? В таком случае мы сейчас вас покинем, а Антонина зайдет утром с новой порцией лекар-ства для вас.

Обратный путь казался бесконечным. Отец совсем уто-мился и все тяжелее опирался на руку дочери, пока они шли по темным улочкам, и к тому времени, когда благополучно добрались до своего дома, Антонина мечтала лишь об одном – подняться в спальню и залезть под стеганое одеяло. Но па-пе всегда было трудно уснуть после таких ночных вызовов, и теперь, без мамы, Антонина осталась единственным чело-веком, который мог дать ему утешение. Поэтому она помог-ла ему снять пальто, затем развязала, присев на корточки, шнурки на его ботинках, а когда он устроился в любимом кресле, в своем рабочем кабинете, сходила на кухню за бу-тылкой с горячей водой для его артритных ступней и за ста-канчиком граппы для бодрости духа.

Отец счастливо вздохнул, когда Антонина сунула теплую глиняную бутылку ему под ноги и стаканчик виноградной водки — в руки.

— Благодарю. За это и за твою помощь с ночным вызовом. — Он отпил граппы, не сводя с дочери пристального взгляда. — Что скажешь о синьоре Меле? Какой диагноз ты бы поставила?

— Застойная сердечная недостаточность.

— Да. Поэтому я и посоветовал ей переехать в дом призрения.

— Но дочь ведь может забрать ее к себе.

— Та, которая в Болонье? Сомневаюсь. Могу предположить, что она сошлется на дальний переезд, или на нехватку денег, или на то и другое, и в итоге синьора Меле все равно окажется в доме призрения. Если бы дочь действительно хотела помочь, она бы давным-давно позаботилась о матери.

— Я стану навещать не только маму, но и синьору Меле, — пообещала Антонина. — Ей будет легче.

— Безусловно, легче и безопаснее, чем в пустой квартире в полном одиночестве. Однако я сомневаюсь, что синьоре Меле осталось больше полугода при ее сердечной недостаточности.

От того, как папа это сказал — напрямик и с такой уверенностью, — у Антонины заныло в груди.

— А мочегонное ей не поможет?

— Нет, учитывая, что ее сердце слабеет слишком быстро.

От такого лечения она будет чувствовать себя еще беспомощнее.

– Что за настой ты ей дал?

– Малую дозу наперстянки. Как я сказал, тебе завтра утром надо будет к ней зайти с новой порцией, а потом еще после ужина. Это немножко поможет.

– Но недостаточно, чтобы она смогла нормально жить дома?

– Да. А эта маленькая бутылочка – все, что у меня есть, и я сомневаюсь, что удастся раздобыть еще.

– Значит, мы не можем ничего сделать? – спросила Антонина дрогнувшим голосом – тревожно было видеть отца, настолько смирившегося с горькой участью пациентки.

– Нет, не можем. Все бесполезно. Будем навещать ее, проявлять участие, предлагать помощь. Это лучше, чем ничего. И проследим за тем, чтобы ее со всеми предосторожностями перевезли в дом призрения.

– Я бы хотела, чтобы мы сделали для нее больше, – взволнованно сказала Антонина.

– Это повторяет как заклинание каждый достойный врач каждый свой рабочий день.

– Наверное. Только вот...

Папа ждал, когда она закончит мысль, хотя Антонина не сомневалась – он и так уже знает, что она собирается сказать.

– Нельзя заниматься медициной вот так, украдкой, будто ты преступник. Пробираться в темноте к пациентам с пусты-

ми руками, зная, что тебе нечего им предложить, кроме собственного внимания и сочувствия.

– Согласен. Но постараться сделать что-то большее – значит, навлечь на себя угрозу ареста. А попав в лагерь, я уже ничем не сумею помочь своим пациентам.

Отец был прав, разумеется прав, но от этого знания становилось еще больнее. Что им остается – неужели сложить руки и безропотно камнем пойти на дно?

– Мы ведь можем уехать, – сказала Антонина. – Можем найти способ перебраться в Испанию. Или перейти швейцарскую границу...

– Я думаю об этом постоянно, – горько отозвался отец. – Но не могу представить, как мы обеспечим безопасное путешествие твоей маме. Швейцарцы наверняка не пропустят нас через официальные пограничные пункты, по крайней мере, когда увидят, в каком она состоянии.

– Тогда в Испанию...

– Нет. Испанцы нам тоже не обрадуются, а добираться по морю будет слишком опасно.

– Тогда мы тайно пересечем границу. Найдем проводника и помощников, которые будут маму нести. Она же теперь легкая как пушинка.

– Нет, это слишком большой риск. Ты ведь и сама слышала, что люди рассказывают. Беженцы платят за безопасный переход через границу, а их сдают фашистам.

– Но у тебя ведь повсюду есть друзья, ты можешь попро-

силь у них помощи, – взмолилась Антонина.

– И тем самым поставить под угрозу их жизнь? Я ни к кому не решусь обратиться с подобной просьбой.

Отец устремил взгляд поверх ее плеча, и Антонине не нужно было оборачиваться – она и так знала, что привлекло его внимание. Это была фотография: они втроем, в день ее восемнадцатилетия, весной 1938 года, незадолго до маминной болезни и принятия расовых законов, перечеркнувших почти все, что было важно. С тех пор прошло всего несколько лет, но казалось, от того дня их отделяют века.

– Папа...

– Да? – Теперь он снова посмотрел на нее, и она увидела в его глазах отсутствие надежды. Это продолжалось всего мгновение, один удар сердца – и папа моргнул, попытался улыбнуться, но Антонина успела прочесть его мысли, и он всё понял.

Не надо было заводить этот разговор, донимать папу вопросами – Антонина знала, что он устал и что ему не раз приходилось размышлять на тему отъезда. Сколько бессонных ночей он, должно быть, провел, задыхаясь от тяжелого груза неразрешимой проблемы.

– Прости меня. Ты прав. Конечно же прав. Мы здесь в безопасности. Просто надо продолжать жить, как раньше. Зря я тебя всполошила. – Это были бесполезные, пустые слова, но что еще она могла сказать?

Антонина села на пол возле его кресла и положила голо-

ву ему на колени. Она ждала, затаив дыхание, когда он прохладной ладонью уберет волосы с ее лба, таким утешающим, таким уютным жестом, и пообещает, что все будет хорошо.

Она ждала, и через какое-то время папины пальцы коснулись ее виска, он слегка склонился к ней, и девушке показалось, что он сейчас что-то скажет. Она ждала, но у него не было слов утешения. Тогда она встала с пола, отодвинула подальше остывшую глиняную бутылку-грелку и помогла ему подняться на больные, ноющие ноги.

– Спокойной ночи, папа.

– Спокойной ночи, милая моя девочка. Я...

– Что?..

– Ничего. Выспись хорошенько.

Глава третья

20 сентября 1943 года

– Ты наелась? – спросила Антонина, заглянув маме в глаза с надеждой увидеть там проблеск понимания.

Было около семи вечера, и последний час девушка провела, помогая матери справиться с супом – кормила ее, ложечка за ложечкой, как всегда в это время. Каждое утро и в полдень Антонина делала то же самое, поскольку у персонала дома призрения и так забот хватало, а она не находила обременительным посидеть с мамой подольше.

Однако мало-помалу моменты их общения, когда Антонина чувствовала с маминой стороны какой-то отклик, возникали все реже, а совсем недавно, в один злосчастный день, мама и вовсе ее не узнала.

Сегодня, однако, день оказался удачным, по крайней мере неплохим – мама позволила Антонине накормить ее и съела почти весь суп из миски.

– Дай-ка я вытру тебе лицо и руки влажной салфеткой. Она теплая, должно быть приятно. Вот так. Теперь гораздо лучше. Почитать тебе немножко? Мы остановились...

– Привет, Девора. Привет, Нина.

– Папа! Мама, смотри, папа пришел. Мы тебя не ждали.

– Да-да, – кивнул доктор Мадин, подходя к жене и целуя

ее в висок. Затем слегка повернул голову, заглянув в глаза Антонине: – Не могла бы ты спуститься со мной в холл? – Папа задал этот вопрос таким нарочито спокойным, тихим и взвешенным тоном, что она испугалась больше, чем если бы он закричал ей в лицо. – Оставим твою маму ненадолго, пусть отдохнет.

У Антонины от страха взмокли ладони, но ей ничего не оставалось, как последовать за отцом и ждать, когда он поделится с ней дурными вестями. В том, что вести будут дурными, она не сомневалась, поскольку ничего хорошего теперь, с появлением Республики Сало, чье правительство всеми силами пыталось угодить своим германским союзникам, ожидать не приходилось.⁷

– Прости за такую спешку. И за то, что напугал тебя. Кое-что случилось, и я... Я не знаю, с чего начать.

– Говори, папа, – попросила Антонина. – Представь, что я твоя пациентка, которой ты должен сообщить плохие новости. Должен во что бы то ни стало, иначе невозможно будет начать курс лечения. Пожалуйста, папа.

Он кивнул, еще несколько мучительных секунд поколебался и наконец прошептал ей на ухо:

– Вот-вот начнутся аресты. Это неизбежно. Не сегодня-завтра. В любое время.

---

⁷ Республика Сало (официальное название – Италиянская социальная республика) – фашистское государство, возглавленное Бенито Муссолини в сентябре 1943 г. на оккупированном Германией севере Италии.

С тех пор как германские войска оккупировали Италию всего несколько недель назад, Антонина не сомневалась, что рано или поздно этот день наступит. Была уверена в этом абсолютно. И тем не менее сейчас никак не могла заставить себя поверить в то, что сказал папа.

– Откуда ты знаешь? Люди неделями готовятся к худшему, всё ждут, ждут, волнуются... Но почему именно сейчас? Почему сегодня?

– К доктору Йоно приходили люди из гестапо, потому что он глава еврейской общины. Они потребовали у него имена и адреса всех евреев в Венеции.

– И он дал им список?

Доктор Йоно был другом ее папы и хорошим человеком. Невозможно было себе представить, что он на это способен.

– Нет. Нет, он сказал, что ему понадобится пара дней на то, чтобы собрать сведения, которые им нужны. То есть я думаю, он сказал именно так.

– Значит, у нас есть...

– Дай мне договорить. Он выпроводил гестаповцев и немедленно уничтожил все свои записи. Все документы до единого. А потом покончил с собой.

На Антонину обрушилась волна ужаса – накрыла, потащила за собой и выбросила обратно, как отхлынувший от берега прилив, оставив ее дрожащей, скорбящей и с четким пониманием того, что нужно делать дальше.

– Мы должны уехать немедленно! Вещи соберем быстро,

а если придется что-то оставить, ничего страшного – ведь это всего лишь вещи, правда? Нет в них ничего важного...

– *Антонина*. – Папа взял ее за плечи и прижался лбом к ее лбу. – Послушай меня. Я не могу уехать. Ты слышишь? От меня здесь зависит слишком много людей. И я не могу покинуть твою маму.

– Но мы возьмем ее с собой...

– Нет. Она слишком больна и не перенесет поездку. Ты понимаешь это не хуже, чем я. – Теперь папа обнял ее. – Но ты... ты должна уехать.

– Ни за что! – запротестовала Антонина. – Как ты можешь мне такое предлагать?!

– Я обо всем договорился заранее. Надеялся, что этот день никогда не наступит, но... Нет, нет, Нина, не надо качать головой, просто выслушай меня, – взмолился он.

Антонина вдруг поняла, что папа плачет, и от этого ей стало еще страшнее, чем от его слов.

– Что я должна сделать? – сдалась она наконец.

Он кинул взгляд поверх ее плеча – коридор был пуст.

– Отец Бернарди прислал человека, которому он доверяет, хорошего человека, с его помощью ты сможешь надежно укрыться и дожидаться, когда это все закончится.

– Ты хочешь отправить меня куда-то с *незнакомцем*?

– Нет, нет, он не незнакомец. Он друг нашего друга. И не куда-то, а в деревню, где живет отец Бернарди.

Антонине хотелось закричать, наорать на него, потребо-

вать, чтобы он придумал что-то еще – что угодно, – но папа слегка отстранился, она увидела его пепельно-серое лицо, искаженное страхом, и от желания протестовать не осталось и следа.

– Я понимаю, – проговорила она, и это была правда: она действительно наконец все поняла. – У меня есть время попрощаться с мамой?

– Конечно. Только ничего ей не говори. Попрощайся, как обычно. Но сначала... – Он достал носовой платок и вытер дочери слезы, а потом она поднялась в комнату матери в последний раз.

– Мне пора, мама. Папа зайдет к тебе еще раз попозже.

Девушка наклонилась, чтобы поцеловать мать, и на мгновение задохнулась от желания схватить ее в охапку – как будто это она, Антонина, мать, а перед ней родное дитя – и унести ее прочь, далеко-далеко, преодолеть леса и горы. Ради мамы она сумеет это сделать, они возьмут с собой папу, и снова будут все вместе, и наконец-то заживут счастливо...

– Нам нужно идти, – сказал папа, и Антонина очнулась.

– Я люблю тебя, мама, – шепнула она, целуя мамины щеки, руки, тонкие шелковистые волосы у нее на макушке. – Я так тебя люблю... – Потом она отступила от мамы на шаг, и еще на один, и еще. Папа заставил ее развернуться, и она пошла по тихому коридору, по лестнице, над которой носилось гулкое эхо шагов, прямо под остывающие лучи закатного солнца.

Антонина шла домой спокойно, рука об руку с отцом, словно это был обычный вечер, а не окончательный крах знакомой жизни. Поскольку молчание было мучительным, а откровенный разговор стал бы и того хуже, девушка по дороге пыталась болтать о пустяках, и эта болтовня, наверное, казалась папе не менее странной, чем ей самой.

– Когда ты пришел, я собиралась почитать маме. Книга лежит на тумбочке у ее кровати, это *I Promessi Sposi*. Мы прочитали почти половину, там есть закладка – ну, знаешь, ленточка, приклеенная к переплету, – так что ты без труда найдешь, где мы остановились. По-моему, первый абзац сверху на левой странице. Ты ведь считаешь ей, когда будешь навещать, да?⁸

– Ну разумеется, Антонина. Разумеется, я ей читаю. Буду читать каждый день.

– И пожалуйста, не торопи ее, когда она ест. Иногда мама подолгу не открывает рот, но это не потому, что она наелась или у нее пропал аппетит. Думаю, ей просто нужно немного перевести дух, как здоровым людям, когда они отрываются от еды выпить глоток вина или передохнуть, чтобы пища улеглась. Так что не торопи ее и не убирай тарелку, иначе она вообще есть перестанет, а ты же сам знаешь, что ей больше нельзя терять вес.

– Обещаю, я не буду ее торопить, – сказал папа. – Даю

---

⁸ «Обрученные» (*ит.*), роман Алессандро Мандзони (1785–1873), классика итальянской литературы.

тебе честное слово.

Антонина всё не унималась, а он прилежно кивал и соглашался на каждую ее просьбу, и она вдруг ясно осознала, что совсем скоро ей придется попрощаться и с ним. От этого у нее во рту пересохло, а на сердце словно легло тяжелое бремя.

Всего через несколько минут они уже стояли у зеленой двери, обшарпанной и такой родной, а потом, когда оба поднимались по ступенькам, папины шаги были медленнее обычного. Он крепко хватался за перила, так что костяшки пальцев становились белыми. Как будто эти перила казались ему спасательным кругом в штормовом море.

В квартире было холодно и тихо.

– Марта! – испуганно позвала Антонина.

– Я отправил Марту домой. Ее муж не еврей, так что ей не о чем беспокоиться. По крайней мере, пока.

– Но я хотела с ней попрощаться...

– Лучше никому не рассказывать о том, куда ты едешь, это неблагоразумно. А еще лучше и вовсе не говорить, что ты покидаешь город. Придется обойтись без прощаний. – Отец покосился на наручные часы и нахмурился. – Синьор Джерарди вот-вот появится. Иди собирать вещи, но постарайся выбрать только самое необходимое. Тебе лучше взять мой рюкзак, тот, с которым мы ездили в горы на выходные. Сейчас постараюсь его найти.

Едва Антонина оказалась одна в своей комнате, ее одоле-

ло желание броситься на кровать, зарыться под одеяло с головой и забыть о внешнем мире. Она закрывает глаза, задерживает дыхание и представит себя маленькой девочкой, которая еще ничего не знает о том, как отвратителен этот мир, и встречает каждый новый день с надеждой и радостью в сердце.

Вместо этого Антонина направилась напрямик к шкафу и принялась отбирать одежду в дорогу. Она уже представляла себе этот момент раньше, даже мысленно составила список вещей на случай вынужденного бегства. Сколько бессонных ночных часов она провела, размышляя об этом, но никогда, ни единой секунды, тревожно ворочаясь с боку на бок в темноте и тишине глубокими ночами, не верила по-настоящему в то, что день отъезда действительно настанет.

У нее было три платья – лишь одно из них достаточно приличное для Шаббата, – столько же юбок и блузок, а также два кардигана. К выросшей на кровати стопке одежды Антонина добавила нижнее белье, выбрав наименее потрепанное, теплую фланелевую ночную рубашку, походные ботинки и зимнее пальто. Все вещи были старыми, чинеными-перечинеными – этим рукодельным навыком Антонина владела в совершенстве, даже Марта признавала, что она лучше всех на свете штопает носки и пришивает воротнички.

Девушка отступила на пару шагов, оценивающе глядя на стопку одежды и прикидывая, влезут ли все эти вещи в папин рюкзак и останется ли там место для чего-нибудь еще.

– Список, – пробормотала она себе под нос. – Надо бы

составить список.

– На это нет времени, – прозвучал из коридора незнакомый голос. Из темноты шагнул мужчина, но нерешительно остановился на пороге ее комнаты. – Простите. Я не хотел вас напугать.

– Вы синьор Джерарди?

Он сделал еще один шаг вперед, и теперь Антонина рассмотрела, что он молод – гораздо моложе, чем она ожидала.

– Зовите меня Никколо, пожалуйста. Или Нико, как принято у нас в семье.

– Папа сказал, мне нужно взять с собой столько вещей, сколько я смогу нести.

Он протянул ей отцовский рюкзак:

– Доктор Мацин просил отдать вам это. Но не беспокойтесь, можете взять больше, чем сюда уместится, – я помогу. Если у вас наберется еще одна сумка, ее понесу я.

Это было очень любезно с его стороны, и Антонине пришлось сглотнуть ком, вставший в горле от переполнившего ее волнения.

– Спасибо.

– Я буду с вашим отцом в его кабинете. Приходите, когда здесь закончите, хорошо? Мы всё обсудим подробно.

– Да. Я быстро.

Она отвернувшись, дождалась, когда затихнут шаги в коридоре, и заставила себя осмотреться в комнате. Прежде всего нужно было взять фотографии. Антонина достала из ра-

мок полдюжины семейных снимков – летопись своей жизни – и положила их между страниц потрепанной *Anatomia del Gray*. Еще она взяла *Principles* Ослера, хотя эта книга была на английском и чтение заняло бы у нее уйму времени, а также старый справочник по инфекционным болезням, давным-давно оставшийся без переплета, и свою любимую *Medicina Interna di Goldman-Cecil*.⁹¹⁰¹¹

Жалкую горстку своих драгоценностей, лежавших в шка- тулке из папье-маше, Антонина завернула в носовой платок и крепко завязала уголки. Затем взяла пустой рюкзак, кото- рый ей принес синьор Джерарди – то есть Никколо, – при- строила книги на самом дне, а сверху аккуратно упаковала одежду, уже сложенную стопкой на кровати. Попробовала поднять рюкзак – и пошатнулась под весом книжек, но все же не удержалась и добавила еще одну вещь: игрушечного кролика Пьетро из шерсти и бархата. Этот кролик, давно по- терявший один стеклянный розовый глаз, был с ней, сколько она себя помнила, и даже если Никколо, увидев детскую иг-

---

⁹ «Анатомия Грея» (*ит.*). Классический учебник по анатомии человека, напи- санный британским анатомом и хирургом Генри Греем (1827–1861) и впервые изданный в 1858 г.

¹⁰ Имеется в виду учебник *The principles and practice of medicine* («Теория и практика медицины», англ.) канадского врача Уильяма Ослера (1849–1919). Рус- ский перевод выходил в 1928 г. под названием «Руководство по внутренней ме- дицине».

¹¹ Речь идет о *Goldman-Cecil Medicine*, американском руководстве по внутрен- ней медицине, не раз переиздававшемся с 1927 г. во всем мире.

рушку, сочтет это дурацкой блажью, в тот момент Антонина решила, что просто не может расстаться с Пьетро.

Ей хотелось спрятаться в своей комнате и никуда не выходить, но ведь осталось так мало времени – лучше провести эти драгоценные минуты с папой, пусть даже в присутствии чужого человека, чем вовсе отказаться от общения с ним. Поэтому Антонина оставила рюкзак на кровати, выключила свет, а затем пошла искать папу и молодого человека, который приехал сюда затем, чтобы увезти ее с собой. Как и ожидалось, оба были в отцовском кабинете, стояли бок о бок у стола. Антонина помедлила у двери, воспользовавшись возможностью рассмотреть получше Никколо Джерарди, пока ее никто из них не заметил.

Он был высокий – почти на голову выше ее отца, – светло-волосый, с однодневной щетиной цвета густого меда и россыпью веснушек на носу и на скулах. Чиненый-перечиненый пиджак чуть не лопался по швам на широких плечах. А судя по речи, по тем немногочисленным фразам, которыми они обменялись, Никколо был человеком образованным, и манеры у него были вежливые, что очень успокаивало.

Антонина стояла незамеченная в полусумраке коридора, а папа тем временем поднял руку и раскрыл ладонь – там лежал какой-то маленький предмет. Он блеснул в свете лампы, и девушка подумала, что это монета. Но папа вдруг тряхнул головой, усиленно заморгал и вытер глаза. Антонина, должно быть, шевельнулась, или они слышали из коридора ка-

кой-то шорох, но так или иначе папа обернулся, взглянул на нее слегка покрасневшими глазами и поманил к себе:

– А вот и ты. Уже собрала вещи?

– Что у тебя в руке, папа?

Он протянул ладонь к ней: это было золотое кольцо, тускло замерцавшее на свету.

– Свадебное кольцо твоей мамы. Теперь оно ей будет великовато, но... – Он взял дочь за правую руку и надел ей кольцо на безымянный палец. – Я так и думал. Тебе оно как раз.

Кольцо оказалось теплым. Отец взял ее ладонь обеими руками, поднес к губам, чтобы поцеловать, и прижал к своей щеке.

– Я не понимаю... – растерялась Антонина. – Зачем ты надел мне на палец мамино кольцо?

– Оно тебе понадобится. – Папа так и не отпустил ее руку. – Вы с сеньором Джерарди в этой поездке будете супругами.

Антонина обернулась к чужаку, стоявшему на расстоянии вытянутой руки. Она и не подумала скрыть удивление и неловкость, вызванные словами отца, и молодой человек это заметил – он покраснел, и на фоне румянца ярче проступили мальчишеские веснушки.

– Это всего лишь уловка, мы притворимся супругами ради вашей безопасности, – заверил он. – Не более того.

– Но все так неожиданно... Час назад я сидела рядом с ма-

мой, а теперь... – Теперь настал ее черед сдерживать слезы.

– Я понимаю, понимаю и очень сожалею, – сказал папа, – но с синьором Джерарди и его семьей ты будешь в безопасности. Я не отпустил бы тебя с ним, если бы думал иначе.

– Возможно, вам будет чуть легче, если я скажу, что мы отправимся в путь только завтра утром, – подал голос Никколо. – Вам нет нужды прощаться прямо сейчас.

Антонина кивнула и ухитрилась изобразить улыбку, но ей тотчас пришлось снова отчаянно заморгать, чтобы не хлынули слезы. Было ясно, что еще немного, и она разрыдается прямо здесь, в рабочем кабинете, и папе от этого станет еще хуже.

– Тогда я, пожалуй, пойду спать, – поспешно сказала девушка, и сама удивилась, как твердо прозвучал ее голос. – Спокойной ночи, папа. – Шагнув к нему, чтобы поцеловать в щеку, она с трудом подавила желание обнять его и взмолиться изменить свое решение. В тот момент Антонину не волновало будущее – главное, чтобы папа обнял ее в ответ и не отпускал. Но вместо этого она отступила и, вежливо кивнув Никколо, ушла в ванную. Там умылась, почистила зубы и долго рассматривала в зеркале свое бледное лицо. Потом, шагая по коридору к своей комнате, она слышала приглушенный голос отца – слов было не разобрать, но его тон совсем не казался расстроенным. Этого слабого утешения Антонине хватило на несколько минут – пока она закрывала ставни, раздевалась, накидывала ночную рубашку, которую

пришлось извлечь с самого дна рюкзака, и укладывалась в постель. А после она долго лежала неподвижно, под одеялами и рукодельным покрывалом, принадлежавшим когда-то ее матери, и прислушивалась к едва различимому голосу отца, который показывал Никколо пустую комнату. Вскоре в доме сделалось совсем тихо, последние лучи солнца угасли за закрытыми ставнями, а девушке всё не удавалось унять чехарду мыслей в голове. Шли часы, слезы капали на подушку, и она никак не могла уснуть.

Нужно было как-то убедить отца, что им необходимо уехать всем вместе. Непременнo настоять на своем. А для этого призвать на помощь все свое воображение.

Почему ей раньше не приходило на ум поискать убежище для них троих где-нибудь в Италии? Они могли бы найти приют у отца Бернарди или у кого-то из многочисленных папиных друзей и сделать это еще несколько лет назад.

Надо было предвидеть, как все обернется, и заранее убедить отца подготовиться. Хотя бы попытаться...

С первыми лучами зари Антонина надела платье и прокралась по коридору на кухню. Кофе у них не было, даже caffè d'orzo закончился, но, пошарив на полках, девушка нашла пакетик с сухими соцветиями ромашки. Значит, придется довольствоваться простым отваром. Он ее хотя бы согреет.

Вскоре Антонина уже сидела за кухонным столом, обхватив горячую чашку озябшими ладонями, и смотрела, как

цветы ромашки расправляют один скомканный лепесточек за другим в горячей, исходящей паром воде. Из коридора до нее донеслись тихие размеренные шаги.

– Папа, это ты?

Но это был не папа – на пороге стоял Никколо.

– По-моему, он еще спит. Не возражаете, если я посижу тут с вами?

– Ничуть, – отозвалась Антонина, хотя сейчас предпочла бы побыть еще немного в одиночестве. – Вам налить? Это отвар ромашки. Кофе у нас не остался.

Молодой человек застенчиво улыбнулся:

– Да, пожалуйста. Мать часто заваривала нам ромашку, когда мы бедствовали.

Они немного посидели молча, дожидаясь, пока отвар остынет.

– Я так и не смогла уснуть, – призналась Антонина через пару минут.

– На вашем месте я наверняка чувствовал бы себя так же.

– А вам почему не спится? Еще шести нет.

Последовала очередная застенчивая улыбка:

– Я работаю на ферме и уже не помню, когда вставал после рассвета. – Он поднял чашку и поставил ее обратно на стол, не отпив. – Скоро нам будет пора отправляться в путь, и вам лучше позавтракать. Постарайтесь съесть хоть что-нибудь. День будет долгим.

– Лучше я что-нибудь приготовлю для папы. Он не... Он

великолепный врач, но совершенно не умеет заботиться о себе. Что он будет без меня делать? И Марту он тоже ото-слал...

– Мы с ним проговорили всю ночь напролет. Он сказал, что для него нашлось местечко в доме призрения. Так он будет все время рядом с вашей матушкой и сможет помогать другим пациентам, если они заболеют.

Антонина кивнула, почувствовав неловкость от того, что не подумала об этом раньше:

– Очень разумно. Пойду-ка я разбужу его.

– Идите, конечно. А я пока приготовлю завтрак для нас для всех. Хлеб у вас найдется?

– Да, немного. Он в хлебнице вон там на полке. А в буфете есть баночка с абрикосовым вареньем.

У двери отцовской комнаты Антонина помедлила, при-слушиваясь, затем все-таки постучала:

– Папа! Ты проснулся?

– Входи.

Он уже оделся и теперь сидел на кровати, сунув ноги в бо-тинки. Антонина, не дожидаясь, когда папа начнет сражать-ся со шнурками, присела на корточки и помогла ему спра-виться с этой нелегкой задачей – завязать их – в последний раз.

– Благодарю, – сказал папа с наигранной учтивостью, но не улыбнулся и не попытался встать.

Антонина тоже продолжала сидеть. Они просто смотрели

друг другу в глаза, словно запоминая дорогие черты и позволяя тишине сказать нужные слова за каждого.

– Не бойся ничего, – прошептал папа. – Ты будешь среди друзей.

– Но вы с мамой... Я не смогу это пережить...

– Сможешь. Должна.

– Знаю, вот только...

Отец поднялся на ноги и протянул дрожащую руку ей, чтобы помочь встать. Антонине ничего не оставалось, как молча последовать за ним на кухню.

Никколо уже порезал хлеб на тонкие кусочки и намазал их вареньем.

– Доброе утро, доктор Мацин. – Он подождал, пока хозяин дома усядется и возьмет себе хлеб с вареньем, лишь после этого сел сам и выбрал самый маленький кусочек.

Антонине пришлось сделать над собой усилие, чтобы проглотить завтрак. Хлеб был черствый, варенье – водянистое, и горло сводило спазмом на каждом вымученном глотке. Тем не менее ей удалось заставить себя съесть весь бутерброд и допить остатки остывшего ромашкового отвара, пока отец и Никколо болтали о каких-то пустяках: о погоде, о скором сборе урожая и так далее.

Никколо, забрав у нее пустое блюдо и чашку, отнес их в раковину.

– Не хотелось бы вас торопить, но... – начал он.

– Но вам пора в путь, – закончил за него отец. – Антонина,

сходи за своими вещами, а мы тут пока приберемся.

Время настало. Антонина, двигаясь, как автомат, побрела в спальню и взяла рюкзак. В комнате царил полумрак, поскольку сегодня незачем было открывать ставни, но девушка и так знала, где что находится. Столько воспоминаний было связано с этой маленькой спальней, с милой сердцу привычной обстановкой. Теперь придется оставить все это в прошлом.

Пора.

Отец и Никколо ждут ее на лестничной площадке.

– У меня совсем нет времени еще раз повидаться с мамой? – на всякий случай спросила она.

– Нет, милая. – Папа сокрушенно покачал головой. – Лучше вам прямо сейчас покинуть город.

– Но она будет волноваться, гадать, куда я подевалась...

– Конечно. Зато я буду рядом и сумею ее утешить. Что бы ни случилось, я всегда буду рядом с ней. Не забывай об этом.

– Да, папа.

– Тогда дай-ка мне обнять тебя покрепче. Когда я снова увижу твое очаровательное личико, весь этот безумный кошмар уже закончится. – Он обнял дочь, крепко прижав ее к груди, и долго не отпускал. – А теперь иди, – сказал он, наконец отстранившись. – Только рассвело, у вас впереди целый день.

Отец в последний раз поцеловал ее в лоб, а в следующий миг тяжелая ладонь Никколо легла ей на плечо. Он осторож-

но увлек девушку за собой к выходу, и ее тело само послушалось, тогда как разум требовал, чтобы она застыла у порога и не двигалась с места.

– Иди скорее, дитя мое, драгоценная моя Нина. Ради меня, – попросил папа, и Антонина, которая всегда была послушной девочкой и самой преданной дочерью на свете, знала, что должна послушаться.

Поэтому она последовала за Никколо вниз по ступенькам, за дверь – и прочь от родного дома, от своей семьи и от привычного уклада жизни, кроме которого она ничего и не знала. Прочь, вперед, в неизвестность.

Глава 4

Не успели они пройти и нескольких шагов, как Никколо остановился и, взяв у Антонины рюкзак, закинул его себе на плечо. Затем он заспешил дальше, положив ладонь ей на поясницу, словно подталкивая и направляя – к маленькому мостику, до конца узкой калле и за угол, к Фундамент-деи-Ормезини.

– Антонина, – минут через пять окликнул ее Никколо.

– Да?

– Думаю, для пущей безопасности тебе надо сменить имя или попросту слегка изменить его.

Стало быть, она потеряла все, что у нее было, – и дом, и семью, а теперь вот у нее, похоже, отбирают имя.

– И что ты предлагаешь? Мария, может быть? По-твоему, это нееврейское имя? – Прозвучало грубо, но ей было все равно в тот момент.

– Доктор Мацин предложил называть тебя Ниной.

Так к ней обращался только папа.

– Думаю, подойдет, – кивнула она, решив, что с этим именем, по крайней мере, у нее не возникнет путаницы. – А фамилия у меня какая будет? Я имею в виду, девичья. – Уже от того, что вообще пришлось заговорить на эту тему, Антонину бросило в жар.

– Как тебе фамилия Марцолли? Звучит немного похоже на

твою настоящую. Всем, кто спросит, будем говорить, что ты выросла в детском приюте в Падуе. Самый большой там – приют Святого Антония.

– Святого Антония, – повторила Антонина.

– Ты приехала в Венецию всего около года назад, чтобы выучиться на медсестру, – продолжал Никколо. – Это логично, правда? Ты ведь многому научилась в области медицины у отца.

– Пожалуй, мне будет нетрудно выдать себя за студентку медучилища. Ну ладно, стало быть, я – Нина, урожденная Марцоли, сирота из Падуи. Приехала в Венецию учиться на медсестру.

– Да. Это довольно легко запомнить.

– Куда мы сейчас направляемся? – У Антонины, разумеется, были догадки на сей счет, поскольку Никколо вел ее напрямик к Фондаменте-Нове и причалам.

– Сначала на Мурано. Нас встретит мой кузен и отвезет на материк, в Кампальто, у них с женой там ферма. А оттуда нас ждут два дня пути пешком.

– Пути куда? Или это тоже секрет? – едко спросила Антонина.

– Вовсе нет. Мы отправимся на ферму моего отца. Она находится в деревне под названием Меццо-Чель. – Никколо улыбнулся. – Но это всего лишь крошечная точка на карте.¹²

– Я о такой даже не слышала.

---

¹² Mezzo Ciel в переводе с итальянского «половина неба».

– Я бы удивился, окажись наоборот.

– А мы не можем доехать туда на поезде? Два дня пути пешком – это долго.

– Можем и доехать, но лучше поступать так, как принято в наших краях. Людям из Меццо-Чель и в голову не придет тратить деньги на железнодорожный билет, если можно дойти на своих двоих. А уж мул с повозкой для них – роскошь.

– Мул?

– Да. У нас есть мул. Эта старая скотинка не любит, когда ее подгоняют, но с мулом наше путешествие все равно будет легче.

Больше вопросов она задавать не стала, а вместо этого все силы направила на то, чтобы шагать, дышать и смаргивать слезы до того, как они начнут застилать обзор. Ей хотелось вырваться и помчаться домой, но папа, конечно же, вновь настоял бы на том, что ей нужно покинуть Венецию. Так что ничего не оставалось, как молча следовать за своим спутником и не обращать внимания на барабанную дробь, которую исполняло сердце.

Они свернули на простор Фондаменте-Нове, где у причалов выстроились очереди к судам, идущим на острова, и подошли к билетному киоску. Здесь очередь была короткая, и всего через несколько минут они уже оказались перед кассиром.

– Добрый день, синьор. Два билета, пожалуйста. Для меня и для моей жены. В один конец.

– Место назначения, синьор? – Кассир даже не поднял взгляда от газеты, которую читал.

– Ох, извиняюсь. Мурано. Нам два билета до Мурано. Будьте так добры.

Нина покосилась на Никколо, удивленная его неуверенным тоном. Совсем недавно, разговаривая с ее отцом, парень держался непринужденно, говорил легко, как один образованный синьор в беседе с другим, а теперь вел себя так, будто превратился в совершенно иного человека: он словно сделался ниже ростом, каким-то образом уменьшился, стал робким и безобидным. Даже речь – запинаящаяся и нетвердая – как будто бы принадлежала тому, кто больше привык говорить на местечковом диалекте, чем на литературном итальянском.

Все это показалось Антонине странным, однако у нее хватило ума не подавать виду в присутствии кассира. Никколо забрал билеты вместе с несколькими монетами сдачи; девушка покорно последовала за ним, и лишь на вапоретто, когда ее голос надежно заглушали шум двигателя и крики команды, она спросила:¹³

– Что это было?

Им повезло – достались два билета под навесом, и Антонина села у окна, но у женщины, разместившейся по другую сторону от Никколо, было столько сумок и корзиночек, что хватило бы на целый рыночный прилавок, так что Никколо

---

¹³ Вапоретто – речной трамвай, общественный транспорт в островной Венеции.

пришлось вплотную придвинуться к девушке и одну руку закинуть ей на плечи, поскольку места совсем не осталось, а его губы теперь оказались в нескольких сантиметрах от ее уха.

– Ничего особенного, – ответил он. – Я всего лишь постарался оставить у кассира как можно меньше воспоминаний о встрече с нами. Теперь, если кто-нибудь придет с вопросами, ему и сказать-то будет нечего – я стал для него одним из нескольких десятков заурядных граждан, покупавших сегодня билеты.

– А ты думаешь, такая вероятность есть?

– Вероятность, что тебя будут разыскивать? Ну, не в ближайшие дни – доктор Йоно об этом позаботился. Но фашисты не остановятся – из-под земли достанут то, что им нужно. Наверное, начнут с данных переписи еврейского населения, которую проводили пять лет назад. И если этих материалов еще нет в их распоряжении, то скоро будут.

– Мое удостоверение личности! – вспомнила Антонина; в спешке сборов она не взяла с собой удостоверение и маленький кошелек с мелочью. – У меня нет...

– Не волнуйся, – перебил Никколо. – У меня есть документы, оформленные для тебя. Дыши спокойно, Нина. Ты со мной в безопасности.

Она кивнула, хотя еще не чувствовала уверенности в том, что может полностью доверять ему, и отвернулась к окну. Но было поздно – они уже проплыли мимо острова Сан-Микеле,

и ее город, ее родной дом, почти исчез из виду.

– У тебя еще будет возможность его увидеть, – шепнул Никколо, – когда мы поплывем в Кампальто. Тогда и попросишься.

А Антонина снова задалась вопросом, что за незнакомец сидит рядом с ней, отчего он говорит так ласково и, казалось бы, понимает или, по крайней мере, стремится понять, как сильно она сейчас страдает. Кто он и почему решил о ней позаботиться?

Они вышли на первой же пристани, осторожно переступив через соседские сумки и корзинки, но вместо того чтобы вместе с остальными путешественниками направиться в глубь острова, Никколо повел свою спутницу вдоль Фондаменте-Серенелла. Набережную обдувал пропитанный солью ветер лагуны, плескавшей волнами по левую руку от них, а справа тянуло едким запахом стеклодувных печей. Всего через несколько минут Никколо указал на пристань в полусотне метров впереди:

– Вон он. Мой кузен Марио.

На корточках рядом с санпьеротой сидел мужчина и проверял швартовы. Когда Никколо и Антонина приблизились, он выпрямился и приветственно раскинул руки, а его загорелое лицо расплылось в белозубой улыбке.¹⁴

– Стало быть, это и есть твоя невеста? – спросил он, обняв Никколо, и протянул руку девушке.

---

¹⁴ Санпьерота – традиционная итальянская плоскодонная лодка.

– Это моя жена, Марио, ее зовут Нина. Нина, познакомься – мой кузен Марио.

– Мои поздравления, добро пожаловать в семью. Это все ваши вещи? – кивнул он на рюкзак.

– Пока да, – беспечно ответил за нее Никколо. – И оставь Нину в покое, хватит ее донимать.

Марио, все так же широко улыбаясь, пожал плечами:

– Ну уж Роза-то непременно захочет разузнать про вас побольше.

– Пусть пристаёт с вопросами, сколько ее душе будет угодно, но это не значит, что я на них отвечу, – хмыкнул Никколо. – Мы отчаливаем или нет?

– Ладно, ладно, отчаливаем. Но сперва поудобнее устроим твою супругу.

Марио помог Нине перебраться на борт санпьероты, а Нина, как всякая коренная венецианка, и без подсказок знала, что лучшее местечко для пассажира – прямо перед мачтой. Там не было ничего похожего на сиденье, зато дно оказалось сухим и достаточно низким, так что борта должны были защитить ее от резких порывов ветра в случае, если тот внезапно сменит направление.

Она была довольна, что мужчины занялись делом – начали готовить суденышко к плаванию и перестали обращать внимание на нее. Марио опустил в прозрачную воду кормовое весло, а затем они с Никколо слаженно подняли паруса, не обменявшись за работой и парой слов.

– Ветер попутный, – объявил Марио и добавил специально для нее: – Прокатим так, что ни капельки воды на вас не упадет – лагуна нынче гладкая как стекло.

– Обернись, пора, – сказал Никколо, и Антонина выглянула из-под фока, радуясь этой последней возможности увидеть родной дом.

Город превратился в размытое пятно на горизонте, в кляксу, в зыбкую карандашную штриховку между чернильно-синей лагуной и выгнувшимся над ней прозрачно-искрящимся небосводом. К этому моменту Антонина проделала путь всего в несколько километров, а дом покинула не более часа назад, но ей казалось, что от дома ее уже отделяет целый мир, между ними словно протянулась целая жизнь.

Скоро папа пойдет в дом призрения кормить маму завтраком, а когда она поест, он ей почитает и оставит отдыхать. Папа вернется домой, но в их доме будет темно и холодно, потому что Марту он тоже отослал и остался один. В доме не будет никого, кто мог бы проследить, чтобы он не забыл поесть и не зачитался бы у себя в кабинете до утра. Не будет никого, кто просто посидит рядышком, когда он начнет волноваться о своих пациентах, тревожиться о соседях и грустить о разрушенном мире.

И что с ним будет дальше? Кто позаботится о нем и о маме теперь, когда она, Антонина, уехала?

Никколо хлопотал на носу лодки, но теперь он вернулся, уселся рядом с ней и, казалось, каким-то образом, без еди-

ного жеста или слова с ее стороны, снова догадался о том, что она распереживалась об отце.

– Он не один, – сказал Никколо. – Сейчас он в доме при-
зрения, у твоей матушки, и тамошний персонал сумеет по-
заботиться о них обоих. Он с полной уверенностью сказал,
что будет чувствовать себя там комфортно и безопасно. По-
старайся не забывать об этом.

Девушка кивнула, не решившись заговорить – не доверя-
ла собственному голосу, – и в этот момент лодка наконец от-
чалила. Ветер подул им в спины; размытая линия побережья
придвинулась, начала обретать резкость.

– Помнишь то лето, когда вы с Марко приезжали к нам
погостить? – спросил Марио. – Мы каждый день забирали
эту старую посудинку и говорили, что отправляемся рыба-
чить, а сами отходили подальше от берега, спускали паруса,
бросали якорь и часами дрыхли на солнышке.

– Бабуля каждый раз огорчалась, когда мы возвращались
домой без единой рыбки, – подхватил Никколо, заулыбав-
шись этим воспоминаниям.

Ветер сопровождал их все время, пока они отчаливали и
входили в узкий залив, а потом он вдруг в одночасье осла-
бел, превратившись в бриз, вялыми порывами обдувающий
паруса.

– Ну, и у многих ли новобрачных есть персональный гон-
дольер? – хмыкнул Марио, который, встав на корме, принялся
орудовать веслом. – Не благодарите. Считайте это моим

свадебным подарком.

Нина понимала, что для Марио она и правда должна быть новобрачной, упивающейся своим счастьем и не обращающей внимания на горести окружающего мира, поэтому подставила лицо ословелому ветерку, чтобы он высушил ее слезы, и обратила взгляд на побережье.

Она прожила всю свою жизнь в каких-то пяти-шести километрах от материка и ни разу не побывала ни в одном прибрежном городке. Уезжая на каникулы, они с родителями садились в поезд на вокзале Санта-Лючия, и тот доставлял их на континент. Здесь, в предместьях Кампальто, фермерские домики подступали к *самой* линии воды, и все причалы были заняты разнообразными подвидами санпьероты Марио и суденышками поменьше.

Пока Марио подводил свою лодку к единственному пустому причалу, Никколо снял фок и аккуратно его свернул, затем то же самое проделал с главным парусом.

– Видал? Я еще не потерял сноровку, – похвастался он кузену.

– Сгодится на худой конец. Подкинь-ка мне швартов.

Дальше их ждала совсем недолгая прогулка от берега до ближайшей фермы. На пороге стояла женщина с младенцем на руках; еще один малыш, лет двух-трех, цеплялся за ее юбку. Когда гости приблизились, женщина широко заулыбалась и приветственно помахала им ладонью.

– Никколо! Добро пожаловать!

– Доброе утро, София. Прости, что я отнял у Марио сегодня так много времени.

– Не извиняйся, – откликнулась женщина, одарив улыбкой Нину. – Тебе же нужно позаботиться о молодой жене.

– Нина, знакомься, это жена моего кузена София. У нее на руках Микеле, а малышку зовут Флора. София, это моя жена Нина.

Удивительно было слышать такое представление, но Антонина не забыла улыбнуться и выразить свое восхищение детишками, а остатки неловкости рассеял Никколо – он корчил рожицы маленькой Флоре, пока та не прыснула от смеха.

– Вы не проголодались? – спросила София. – До дома тети Элизы путь неблизкий.

– Нет, все в порядке, – поспешил заверить Никколо. – Мы недавно позавтракали.

– Все равно скоро есть захотите. Я для вас собрала корзинку – там хлеб, который вчера испекла, немного сыра и колбасы.

Марио исчез за воротами стойла, но, видимо, и оттуда слышал разговор.

– Я еще воды вам в дорогу дам, – крикнул он. – Поставлю в повозку бочонок. До тетиного дома припасов вам хватит.

– А где Красавчик? – поинтересовался Никколо.

– Да здесь он. – Марио вышел из стойла, таща за собой под уздцы громко и возмущенно сопящего мула. – Сами его запрягайте, – пробурчал фермер. – Эта буйная зверюга толь-

ко что пыталась меня укусить!

– А у меня с ним никогда хлопот не было, – пожал плечами Никколо, принимая у кузена уздечку.

Нина наконец разглядела животное за спинами мужчин и на секунду позабыла о своем унынии: как можно было не улыбнуться при виде такого забавного создания? Мул был размером почти с лошадь, да и похож на нее, только очень костлявый, вислоухий и с огромными желтыми зубами. Девушка невольно рассмеялась, вовсе не желая обидеть животинку, но мул все равно обиделся, возмущенно затопал копытами и вдруг, выкатив глаза, взвыл, как ненастроенная скрипка. Гнев на милость он сменил лишь после того, как Никколо в знак извинений преподнес ему морковку и почесал между ушами, но при этом мул не перестал настороженно поглядывать на незнакомку, которая позволила себе посмеяться над ним.

– Нина, это Красавчик.

– Ты серьезно? Красавчик?

– Мой отец считал такую кличку хорошей шуткой. Другие хозяева давно отправили бы этого мула на скотобойню, но я к нему привязался. Все, что нужно, чтобы он взбодрился, – доброе отношение.

– Так можно сказать почти о любом живом существе.

– Это правда.

Вскоре, едва Красавчик был запряжен в повозку, они попрощались с Марио и Софией и отправились в глущь мате-

рика – весьма неспешным темпом, лишь немногим быстрее, чем если бы решили идти пешком.

– Красавчик шагает медленно, но верно и непременно доставит нас куда следует, – пообещал Никколо. – Нам к вечеру только до дома моей тетушки добраться нужно, дальше сегодня не поедем.

– А, – сказала Нина, не сумевшая ничего придумать для того, чтобы поддержать разговор. Ей, конечно, хотелось бы разведать побольше о Меццо-Чель, о семье Никколо и о женщине по имени Роза, которая, как сказал Марио, непременно пожелает выяснить все подробности об их знакомстве. Хотелось бы, но только не сейчас, когда она умирала от усталости после бессонной ночи.

И снова Никколо будто прочел ее мысли – он лишь время от времени произносил вслух названия деревенок, мимо которых они проезжали, и больше не тревожил девушку разговорами. Путешествие можно было бы даже считать приятным, если бы не каменистая дорога, усеянная колдобинами, на которых повозку так трясло, что не прошло и часа, а Нине уже казалось, будто все ее тело превратилось в один огромный синяк. Вдобавок утреннее солнце пекло безжалостно, и когда в полдень они остановились напоить мула и немного подкрепиться, у нее раскалывалась голова.

Нина и Никколо, усевшись под серебристой кроной оливы, пообедали хлебом с сыром и колбасой – припасами, которыми их снабдила София, – после чего молодой человек

наполнил до краев жестяную кружку водой из бочонка и протянул ей:

– Вот, выпей всю кружку, это немного умерит головную боль. Скверно себя чувствуешь, да?

– Как ты догадался?

– Ты уже битый час массируешь виски. Скажи, если станет хуже.

Вторая половина дня выдалась не намного приятнее – километр за километром дорога стелилась под палящим солнцем, а мул все замедлял и замедлял поступь, так что под конец они уже едва тащились. Тогда Никколо спрыгнул с повозки и, шагая рядом, принялся тянуть Красавчика за уздечку – это немного прибавило им скорости, но все равно часы шли медленно, как дни.

Когда Нине уже казалось, что она не может больше терпеть, Никколо направил Красавчика под арку в невысокой каменной ограде, стоявшей вдоль обочины дороги.

– Приехали.

Повозка остановилась во дворе деревенского домика с белеными стенами. Его единственная дверь была распахнута навстречу последним лучам заходящего солнца. Старый пес, дремавший под скамьей у входа, приоткрыл один глаз, окинул взглядом новоприбывших и, хлопнув по земле хвостом в знак признания, снова заснул.

– Нико? Это ты? – донесся из домика голос.

– Да, тетя Элиза, мы здесь! – отозвался он.

Тотчас к ним, раскинув руки, устремилась тетушка Никколо. Не прошло и нескольких мгновений, как Нина уже стояла на земле, была звонко расцелована в обе щеки и заключена в крепкие объятия.

– Радость-то какая! Поздравляю от души вас обоих! Что бы там кто ни говорил, я всегда знала, что тебе сам бог велел создать собственную семью, Нико. Ничутьто я в этом не сомневалась, и будь твоя бедная матушка сейчас жива, она бы со мной согласилась, правда ведь? – Не дожидаясь ответа, женщина потянула Нину в дом и усадила ее во главе стола, на котором уже был накрыт ранний ужин.

– Могу поспорить, вы оба проголодались, и миска моего лучшего супа – как раз то, что вам сейчас надо, да с хлебушком, который я только утром испекла, да со стаканчиком вина. Суп не слишком горячий, нет? Тогда ешьте, ешьте скорей.

До первой ложки Нина и не представляла, насколько она голодна. И суп, и хлеб оказались восхитительными, а вино слегка уняло тревогу. Нина, не пытаясь принять участие в застольной беседе, просто ела и слушала Никколо, который ловко уходил от тетиных вопросов о том, где он встретил свою невесту и как ухаживал за ней.

– Потом как-нибудь, тетя Элиза. Лучше пусть Нина сама расскажет вам эту историю, когда немножко придет в себя после долгого пути.

Мало-помалу Нина расслабилась и даже начала чувство-

вать себя уютно на этой непривычной кухне тети Элизы. А потом Никколо, отодвинувшись от стола, сказал, что они с Ниной очень устали и пора бы им идти спать.

Он протянул Нине руку, и она последовала за ним во двор. Никколо показал ей уборную, где вместо туалетной бумаги были нарезанные листы газеты. Затем она стояла и ждала, когда он тоже сходит в туалет. Они вернулись обратно в дом, вымыли руки в раковине на кухне, и Никколо закинул на плечо ее рюкзак, а она постаралась не упасть в обморок от ужасной неловкости прямо на безупречно чистый кухонный пол тетушки Элизы.

Никколо привел Нину в маленькую спальню под самой крышей. Ставни здесь были закрыты и не пропускали последние лучи вечернего солнца, а фонарь, который он принес с собой, не мог разогнать густые тени, но даже в этом полумраке Нине удалось разглядеть, что в комнатке безукоризненно чисто и обставлена она очень скромно. Большую часть пространства здесь занимала низкая кровать – на самодельной деревянной раме лежал матрас, который со стороны казался еще жестче и ухабистей, чем раздолбанная брусчатка во дворе. Зато постельное белье было свежим и белоснежным, а сверху красовалось покрывало, расшитое желтыми маргаритками.

Одна кровать. В этой комнате была только одна кровать. Воцарилась напряженная тишина, а затем Никколо кашлянул, прочищая горло, и поставил фонарь на столик:

– Можно я возьму одну подушку?

Нина молча протянула то, что он попросил, и Никколо лег на пол спиной к ней, подложив подушку под голову.

– Ну нельзя же так спать! – запротестовала Нина. – Все равно что на голых камнях...

– Мне доводилось спать и на камнях. Здесь гораздо удобнее, я отлично выплусь. А ты можешь переодеться. Погаси фонарь, когда закончишь.

Через полминуты, в течение которых девушка успела разве что моргнуть, он снова откашлялся.

– Нина, нам нужно будет встать до рассвета. Переодевайся спокойно – Господь мне свидетель, я не буду подсматривать.

Он сдержал обещание. Нина спешно разделась, разворотив содержимое рюкзака, и, едва натянув на себя ночную рубашку, тотчас закрутила фитиль фонаря – свет погас. Когда она залезала под одеяло, матрас и деревянный остов кровати, конечно же, зашуршали и заскрипели на все лады так громко и унизительно, что Нина сразу вообразила себе, как тетя Элиза прислушивается, все слышит и посмеивается себе под нос над «новобрачными».

Наконец она устроилась на простынях, и в комнате установилась тишина. Теперь, лежа во мраке и одиночестве, Нина уже не могла не заплакать, а поскольку найти носовой платок в чернильно-черной спальне не представлялось возможным, ей оставалось только шмыгать носом, смаргивать слезы и снова шмыгать.

– Прости, – (шмыг-шмыг), – что не даю тебе заснуть, – выдохнула она.

– Не надо извиняться. Но постарайся помнить о том, что твой отец сегодня ночью будет спать крепче, чем на протяжении многих прошедших недель. Конечно, он скучает по тебе, но сейчас у него на сердце гораздо легче. Не забудешь?

– Наверное.

– Тогда давай попробуем поспать, а если тебе нужно выплакаться – не сдерживайся. Только, пожалуйста, плачь потише. Мне-то ты не помешаешь, а вот если тетя Элиза услышит, она решит, что я тебя чем-то обидел, примчится сюда и отлупит меня своими цокколи. В детстве мать гоняла нас башмаком, но получить деревянной колодкой... С тем же успехом тетушка может поколотить меня молотком.¹⁵

Под конец такого тяжелого дня уже ничто, казалось бы, не могло рассмешить Нину – в том числе мысли о том, как Никколо уворачивается от размахивающей цокколи тетушки Элизы, которая едва достает макушкой ему до плеча, – и тем не менее девушка улыбнулась и даже сумела закрыть в темноте глаза, а когда открыла их, за окном занимался рассвет.

---

¹⁵ Цокколи – итальянская деревенская обувь на высокой деревянной подошве.

Глава 5

– Ты уже проснулась? Спускайся в кухню, когда будешь готова!

Нина лежала на неудобной постели в странной комнате, и свет, льющийся в окно, казался чужим и неправильным. Ей понадобилось некоторое время, чтобы вспомнить, где она находится и кому принадлежит приятный низкий голос, только что донесшийся до нее, а когда она вспомнила, сразу захотелось зарыться лицом в подушку и от души разреветься. Вместо этого Нина встала, оделась, застегнула рюкзак и спустилась по лестнице к незнакомцу, который играл роль ее мужа.

Тетя Элиза накормила их на завтрак полентой с теплым молоком, а Нине досталось еще и яйцо, сваренное всмятку, – Никколо шепнул ей, что это величайший знак благосклонности со стороны тети Элизы.¹⁶

– Она не приготовила бы мне яйцо на завтрак, даже если бы я лежал на смертном одре...

Тетя Элиза собрала им в дорогу целую корзину припасов, и вот, наобнимавшись, наслушавшись прощаний, поздравлений со свадьбой и благословений, они наконец получили возможность усесться на деревянную скамью повозки, за-

---

¹⁶ Полента – каша из кукурузной муки.

пряженной Красавчиком, и продолжить путь к Меццо-Чель.

Второй день путешествия оказался еще хуже первого — у Нины от постоянной тряски ломило все тело, она страдала от голода, жажды и усталости. Ее клонило в сон, хотя на бугорчатом матрасе удалось довольно неплохо выспаться, раскалывалась голова, и от всех обрушившихся невзгод хотелось взвыть. Нина взвыла бы, если б не дружеское участие и забота Никколо, который настоял, чтобы она взяла себе большую часть припасов, и не роптал от того, что его спутница ни на что не способна, кроме как уныло горбиться в этой ужасной повозке, запряженной Красавчиком, и стараться не упасть в обморок от жары, пыли и зловония. Зловоние исходило от грязного зада мула, который находился слишком уж близко.

Нина не могла забыть и о том, что Никколо терпит лишения исключительно ради нее. Вопрос, почему парень на это согласился, Нину озадачивал, но все-таки он был другом отца Бернарди, а отец Бернарди дружил с ее отцом, так что это давало какое-то объяснение. А если уж Никколо сносит все тяготы многочасового путешествия с такой невозмутимостью, то она должна хотя бы попытаться дожить до конца дня, не устроив потоп из слез.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Никколо направил повозку на тучное поле, окруженное буйно разросшейся живой изгородью.

— Мы уже совсем недалеко от Меццо-Чель, но безопаснее

будет остановиться на ночлег, пока не стемнело.

– Даже если ехать совсем немножко?

– На ферме мы окажемся только после захода солнца, а я не хочу рисковать – можно нарваться на патруль с началом комендантского часа. Отправимся снова в путь с рассветом и будем на месте еще до полудня.

– Хорошо.

– Ты не могла бы подержать Красавчика под уздцы минутку, пока я буду открывать ворота?

– Но он...

– Он устал не меньше нашего и мечтает поскорее поужинать и сразу уснуть, поэтому не шелохнется.

– Ты уверен, что здесь можно заночевать?

– Уверен. Поле принадлежит моему кузену Сандро, так что никаких неприятностей не возникнет, если мы тут останемся. Ты же об этом беспокоишься, да?

– Не только... а что, если пойдет дождь?

– Это вряд ли после такого солнечного дня. Здесь, конечно, не так уютно, как в домике моей тетушки, но замерзнуть нам не грозит, а в корзинке еще осталась еда на ужин. Что еще нам нужно? – Он подхватил Красавчика под уздцы и потянул его на поле, а потом, не требуя помощи от Нины, распряг мула, отпустил его пастись, снял с повозки деревянную бадью – они набрали воды в фонтане вскоре после остановки на обед – и поставил ее так, чтобы животное могло утолить жажду. Затем он соорудил для Нины постель из охапки шер-

стояных пледов, лежавших в повозке, и разложил на чистой скатерке остатки припасов.

– Не то чтобы пир, но с голоду не умрем. Тут есть хлеб, сыр и еще осталось почти все вино, которое нам с собой дала тетушка.

Они поужинали в молчании, и хотя хлеб уже зачерствел, Нина съела все до последней крошки. Никколо налил вина в жестяную кружку, и девушка сделала крошечный глоток – лишь для того, чтобы проглотить хлеб.

– Пойду посмотрю, как там Красавчик, так что, если тебе нужно уединиться, чтобы... э-э... вон там, в дальнем конце поля густые кусты, с дороги тебя никто не увидит.

Нина поспешила к укромному местечку, которое он указал. Никколо сразу направился к мулу, но он, должно быть, услышал шорох ее шагов, потому что обернулся, когда она пришла обратно.

– Можем лечь спать прямо сейчас – солнце почти зашло, и мне бы не хотелось зажигать фонарь. Лучше пусть глаза сами потихоньку привыкнут к темноте.

Нина скинула ботинки и растянулась на самодельной постели, приготовленной Никколо. Он тоже улегся – в метре от нее, завернувшись в один-единственный плед.

Солнце медленно угасало, на небе начала проступать луна, поле окутала тишина. Рядом с Никколо Нина чувствовала себя в полной безопасности, но сон не шел, хотя она честно пыталась выкинуть из головы все мысли и страхи.

– Ты не спишь? – прошептала девушка наконец.

– Нет.

– А что делаешь?

– Смотрю на звезды.

Нина перевернулась на спину, взглянула вверх, и у нее перехватило дыхание. Небосвод переливался огоньками звезд, которых было больше, чем людей на Земле, и сейчас, под этим сверкающим куполом, девушка вдруг с предельной ясностью осознала, что она сама и все ее тревожения – лишь мельчайшие песчинки в облаках межзвездной пыли.

– Я столько всего не знаю, – прошептала она. – Не знаю даже, что ответить тем, кто будет расспрашивать меня, как мы с тобой познакомились.

– Тогда давай придумаем эту историю прямо сейчас. Если ты не слишком устала.

– А у тебя нет готовой истории?

– Есть кое-какие наметки. Мы можем сказать, что познакомились в больнице – ты ведь учишься на медсестру, помнишь? Я пришел с какой-нибудь бедой – вывихнул запястье, к примеру, или сильно порезался, – и ты помогала врачу обо мне позаботиться. – Никколо вдруг замолчал и вздохнул – шумно и досадливо, точь-в-точь как Красавчик.

– Что-то не так?

– Если мы это скажем моей сестрице, она растреплется обо мне больше, чем обычно.

Нина решила пока не спрашивать, с чего это сестре о нем

тревожиться.

– А если мы сочиним для нее романтическую историю? Как люди знакомятся в кинофильмах и в книжках? Они случайно сталкиваются друг с другом, или героиня что-нибудь роняет, а герой бросается ей на помощь. Услышав что-то подобное, как правило, запоминают именно это, а прочие подробности рассказа забывают.

– Очень хорошо. И как именно герой с героиней познакомятся в нашей истории?

Нина закрыла глаза, погасив дивный свет далеких звезд, и постаралась вообразить другой мир, другую *себя* – героиню, чья жизнь состоит из череды романтических эпизодов, и своего героя – мужчину, который выглядит и ведет себя в точности, как Никколо. Романтические истории никогда не интересовали Нину, но эта явно могла мало-помалу ее увлечь.

– Я села на вапоретто у моста Риальто, – начала девушка. – У моей продуктовой сумки порвались тесемки, оттуда вывалилась луковица, которую я только что купила, и покадилась по палубе. Еще немного – и луковица упала бы в канал, но ты вовремя подставил ногу и подобрал ее, а потом вытер своим носовым платком и вернул мне, сказав при этом что-нибудь забавное...

– Например: «Ну нет, эта луковица не заставит вас лить слезы!»

– Да! Просто отлично! У нас завязалась беседа, и когда я вышла на своем причале, ты последовал за мной. Мы про-

должали болтать на ходу и не заметили, как оказались у дверей... а где я жила, кстати?

– Не при больнице, поскольку она слишком далеко от Риальто. Гм... Как насчет университетского общежития на Сан-Томе? Или там селят только юношей? Тогда, может быть, в пансионе для студенток?

– Да... Да, это будет убедительно.

Теперь уже Никколо перехватил нить повествования:

– Я пригласил тебя прогуляться на следующий день, и ты согласилась, хотя ничего обо мне не знала.

– Мы каждый день гуляли вместе, а потом ты уехал...

– Но постоянно слал тебе письма...

– И всякий раз, когда бывал в городе, заходил ко мне...

– А летом, в свой последний приезд, я сделал тебе предложение, и ты приняла его, хотя это означало, что тебе придется бросить учебу. Мы поженились позавчера.

– И теперь ты везешь меня в свой родной дом знакомиться с семьей, – заключила Нина.

– Да.

– Думаю, единственное, что всем накрепко запомнится, – это эпизод с луковицей. Спокойной ночи, Нико... то есть прости, я хотела сказать Никколо.

– Нико – то, что надо. Ты ведь теперь часть моей семьи.

Они проснулись на рассвете.

– К сожалению, у нас ничего не осталось на завтрак, но через несколько часов мы уже будем дома, – сказал Никколо. – Ты не против немного пройти пешком? Красавчик сегодня совсем не в духе.

– Я не против.

Уж лучше пройти, чем провести еще один день в этой кошмарной повозке, решила Нина, к тому же на ходу у нее не будет возможности прислушиваться к себе и заикливаться на том, как она устала, и как у нее беспокойно на душе, и как ей грустно.

Они шли не останавливаясь; солнце на чистом небосводе забралось уже совсем высоко, дорога начала медленно, но верно подниматься в гору – плоские равнины постепенно сменялись невысокими покатыми холмами, а впереди уже маячили каменные хребты.

Нина зареклась задавать лишние вопросы, но тут не выдержала:

– Нам еще далеко?

– Совсем нет. Мы уже в окрестностях Сан-Дзеноне, здесь родилась моя мать. Она умерла, когда родился Карло. – Предвосхищая следующий вопрос, Никколо пояснил: – У меня шестеро братьев и сестер. Шестеро живых. Старшим из

нас был Марко, его убили при Тобруке два с половиной года назад. Следующий по старшинству – я, затем Роза и два ребенка, которые умерли во младенчестве. Дальше идет Маттео, ему сейчас семнадцать, а после него – Пауло, Анджела, Агнесса и маленький Карло, которому всего девять.

«Стало быть, Роза – его сестра», – отметила про себя Нина. Та самая Роза, что так волнуется и пожелает выспросить у них все подробности.

– Кто же заботился о детях после смерти твоей матери?

– Роза взяла все на себя, и тетушки ей иногда помогали. Я в то время не был рядом – в четырнадцать меня отдали в школу далеко от дома, и я вернулся только после того, как погиб Марко. Папа уже не мог справляться на ферме в одиночку, а Маттео и Пауло были слишком маленькими для тяжелой работы.

– Мне очень жаль. Твою маму жаль, и Марко, и малышей тоже. Должно быть, тяжело вам всем пришлось.

– Так и было. Да и сейчас не легче. Я должен тебе сказать еще кое-что...

– Что? – спросила Нина, внезапно встревожившись.

– Я учился в семинарии. Собирался стать священником. Вот от чего мне пришлось отказаться, когда я вернулся домой на подмогу своей семье. – И без того серьезный тон Никколо сделался почти мрачным.

Нина кивнула, пытаясь это осмыслить, и вдруг вспомнила: католическим священникам запрещено вступать в брак.

– А теперь, значит, для тебя и вовсе нет пути назад. Из-за меня...

– Возможно, для окружающих это именно так и выглядит, но мы-то с тобой знаем правду. И отец Бернард тоже знает.

– Твои родные расстроятся. Отец...

– Он знает, что у меня и без того были сомнения в своем призвании. Он поймет.

– А сестра? Марио намекнул, что у нее будет много вопросов к тебе.

– У Розы доброе сердце. Она всем нам желает самого лучшего, и то, что я бросил семинарию, ее не обрадовало. Так что моя женитьба... огорчит ее еще больше.

– Огорчит настолько, что она сильно опечалится? Или настолько, что она разозлится на тебя?

– Не знаю. – Никколо горестно улыбнулся. – Наверное, и то и другое. Но она ответит. Я ее знаю.

– Ясно. Что ж, спасибо, что ты меня предупредил.

Нина и правда была благодарна ему за откровенность, но это признание ее обеспокоило. Она никогда не задумывалась о том, что означает для человека выбор пути католического священника, но знала, что это дает определенное положение в обществе, и теперь вдруг оказалась помехой для Никколо: ему уже не достичь этого положения, и неважно, что на самом деле он на ней не женился и не нарушил обетов Господу, если уже приносил таковые в прошлом. Для семьи Никколо она станет тем самым человеком, заставившим его свернуть

с пути истинного и отречься от своей мечты стать служителем Церкви. Так что можно не удивляться, если все его родственники повернутся к ней спиной.

Они шли к какой-то деревне – впервые с тех пор, как покинули Кампальто, поскольку Никколо до этого момента старался держаться тихих окольных дорог. Деревня представляла собой жалкую горстку домов на перекрестке. Еще здесь была маленькая площадь с фонтаном и церковь возвышалась над другими постройками. Когда они проходили мимо фермы на самой окраине, какая-то женщина замахала им рукой и окликнула Никколо по имени.

– День добрый, тетя Нора! Сад у вас чудесно цветет в этом году! – ответил на приветствие Никколо, но не остановился и зашагал дальше, а женщина, с улыбкой проводив его взглядом, вернулась к корзинке и продолжила лущить фасоль.

– Это кузина моего отца, – пояснил Никколо.

– У тебя повсюду родственники!

– Есть такое дело. Отец был одним из двенадцати детей в семье, а у матери шестеро братьев и сестер. Так что кузенов и кузин у меня не счесть.

– А у нас вся семья – я да родители. Они поздно поженились, и дедушки с бабушками умерли до моего рождения. У мамы была сестра, намного старше ее, но она тоже умерла, когда я была маленькой.

– Ну, в Меццо-Чель от родственников у тебя отбоя не будет. Все начнут совать нос в твои дела и захотят составить

о тебе мнение.

– Прямо как у нас в гет... – начала Нина, но Никколо ее тотчас перебил:

– Тс-с! – и покачал головой.

– Да, прости. Я хотела сказать, что у нас с соседями был один на всех тесный мирок.

– Я понимаю, тебе будет трудно молчать о своих родителях и друзьях, но это нужно ради твоей безопасности. Зато ты сможешь рассказывать о них мне, когда мы будем оставаться вдвоем.

Они почти обогнули деревню, уже приближались к повороту; Никколо остановился и указал на еще одну горстку домов в отдалении:

– Видишь церковь с колокольной? Под ярким солнцем они кажутся белоснежными. Это и есть Меццо-Чель.

– Но та деревня выше по склону! Почти на полпути к вершине!

– Отсюда только так кажется, клянусь тебе. Мы доберемся туда за час.

Они снова зашагали вперед, а солнце припекало все сильнее, и вскоре мокрые волосы уже противно липли к шее и вискам Нины. По дороге она где-то обронила носовой платок и теперь на ходу утирала пот с лица рукавом.

– Ты в порядке? – спросил Никколо.

– Да. Только очень жарко.

Нина сосредоточилась на ходьбе, решив, что надо просто

двигаться вперед, раз уж она не в силах ничего сделать с пропотевшими волосами и обожженной солнцем кожей, пока они не дойдут до дома Никколо. Все что она могла в данный момент – идти и не останавливаться.

– Вот, возьми. – Никколо протянул ей влажную тряпку, спасительно прохладную. – Она чистая, тетя Элиза завернула в нее хлеб.

Нина в жизни не испытывала ничего приятнее прикосновения этой влажной тряпки к разгоряченному лбу и шее.

– Далеко еще? – осмелилась она спросить.

– Не больше получаса пути. Если посмотришь вверх, сама увидишь – нужно одолеть еще один холм, и мы на месте.

Но Нина слишком устала, чтобы поднять голову. Слишком устала, чтобы беспокоиться о том, что после ночи на голой земле у нее ломит все тело, что ей отчаянно хочется есть, что она умирает от зноя и чувствует себя бесконечно несчастной. Думать о волдыре, набухшем на левой пятке, и о том, как у нее саднит обгоревшая кожа на лице, она не хотела, а о том, до чего ей грустно, одиноко и бесприютно вдали от родителей, попросту не позволяла себе. Нет, она не станет думать о том, что потеряла. Она не станет...

– Мы пришли, Нина. Это Меццо-Чель.

Глава 6

Они стояли перед маленькой покатою пьящей, у дальней оконечности которой высилась церковь с колокольной – Никколо уже показывал ее Нине издалека. Несколько скромных заведений – сапожная мастерская, универмаг и булочная – закрылись на обед, а возле единственного питейного заведения на площади дремали под полуденным солнышком трое седовласых посетителей. Постройки здесь все были старые, но не настолько, чтобы представлять историческую ценность. Штукатурка на стенах выцвела и растрескалась, зато все окна были чисто вымыты, а веранды и двери выкрашены свежей краской.

– Собственно, это и есть почти вся деревня. От пьящцы отходят две главные улицы – Виа-Меццо-Чель и Виа-Санта-Лючия.

– Мы еще далеко от твоей фермы? – спросила Нина, упоывая на то, что идти пешком придется не больше пары километров.

– Она прямо за церковью, – ответил Никколо и в ответ на ее недоверчивый взгляд добавил: – Клянусь, мы уже совсем рядом.

Они пересекли пьящцу, свернули на дорогу, огибающую ограду церковного двора, и вдруг снова очутились среди полей – каменные стены сменились живыми изгородями из ди-

кого кустарника и деревьев, а булыжники, которыми была вымощена пьяцца, уступили место пыльной сельской дороге. Красавчик сразу же оживился – ускорил шаг, натянув уздечку, и недовольно запыхтел, требуя от Никколо поторопиться. А потом вдруг они все оказались на месте назначения.

В отдалении от дороги стоял деревенский дом с аккуратным внутренним двориком, на котором старая брусчатка чередовалась с клочками земли, засыпанными гравием. Под прямым углом к дому примыкал хлев – через открытые двери виднелись загоны и закуты для домашнего скота. Дом был трехэтажный: первый этаж сложен из камня, второй и третий – из розоватого кирпича, при этом высота верхнего этажа составляла всего две трети от нижних. Во двор выходили по четыре окна на каждом этаже, и ставни на всех были закрыты от полуденного солнца. Крыльцо находилось посередине дома, в серебристой тени старой оливы, а рядом с деревом гостей приветливо встречали две низкие скамеечки.

Поджарая жесткошерстная собака с лаем бросилась к ним; из-за узкой двери тотчас показались две девочки и мальчик – их восторженные вопли «Нико! Нико!» сплелись в контрапункте с заливистым приветствием пса, ревом Красавчика и смехом старшего брата, который подхватил и закружил младших.

Еще два подростка заспешили к ним из стойла; следом, более степенно, шагал пожилой мужчина, до того похожий на Нико, что мог быть только его отцом. Нико с приветливой

улыбкой устремился к ним, но замер, когда из дома вышла какая-то женщина. У нее тоже было явное фамильное сходство с Нико – казалось даже, они двойняшки: оба с золотисто-медовыми волосами и темными серьезными глазами.

– Мы не ожидали тебя раньше следующей недели, – сказал пожилой мужчина.

– Знаю, уж простите. – Нико подтолкнул Нину вперед, обняв ее за плечи. – Нина, это мой отец Альдо и моя сестра Роза. Сейчас перепознакомлю тебя со всеми остальными. Эй, кто здесь есть? Это Нина. Моя жена.

– Жена?! – Роза схватилась за сердце, как будто услышала трагическую весть, и, резко развернувшись, бросилась обратно в дом.

Нина почувствовала, как ладонь Нико на мгновение сжалась крепче на ее плече, но он не кинулся догонять сестру. Пришлось девушке самой как-то разрядить обстановку:

– Приятно познакомиться, синьор Джерарди.

– А я счастлив встрече с тобой, только, умоляю, безо всяких «синьоров», ты ведь теперь моя дочь. Называй меня «папа». – Отец Нико взял ее за руки, расцеловал в обе щеки и взволнованно заулыбался: – Добро пожаловать в нашу семью! – А затем обернулся к подросткам: – Займитесь мулом и повозкой.

Далее Джерарди-старший повел Нину под руку на кухню через низкую дверь, глубоко утопленную в каменной кладке, и знаком предложил им с Нико сесть за длинный обе-

денный стол. Большую часть дальней стены здесь занимал огромный очаг, напротив стола вытянулась кухонная стойка с плитой и висела эмалированная раковина с одним краном. Стало быть, дом оборудован водопроводом, отметила Нина, и электричеством, судя по лампочке под потолком и радиоприемнику в ореховом корпусе на полке у входной двери.

Роза тоже была там, мыла тарелки в раковине. Напряженная спина отчетливо намекала, что к ней сейчас лучше не соваться. Она даже не обернулась, чтобы поприветствовать вошедших.

Альдо изо всех сил старался разрядить атмосферу – принялся бодро раздавать указания младшим дочкам, попросил достать свежую скатерть, принести миски, ложки и стаканы.

– Вроде бы должен был остаться суп, а Роза вчера напекла хлеба. Да, Роза? О... кажется, она очень занята. Пойду посмотрю, что у нас в кладовке, и заодно принесу вина, а детишки пока представятся Нине и расскажут о себе. Только не вздумай с ними церемониться, милая, давай-ка сразу по-строже.

Дети пока изнывали от нетерпения на пороге, но, едва получив приглашение войти, окружили Нину, а самый младший мальчик – наверное, это и был Карло, – забрался на колени к старшему брату с непосредственностью ребенка, который знает, что его любят.

– Я тебе сам расскажу, кто тут у нас есть, – заявил мальчик. – Я Карло, это мои сестры Анджела и Агнесса, и, хотя

они похожи как две капли воды, Агнесса на год старше. Еще ты видела Пауло и Маттео. Маттео – тот, который всё усы отращивает, но по мне, это выглядит так, будто у него под носом прилипло птичье перышко. А вон та злюка – Роза, она вечно сходит с ума из-за Нико. Но тебе нечего беспокоиться, потому что из-за нас она тоже вечно с ума сходит.

– Карло! – прошипел Нико.

– Может, теперь ты расскажешь нам немного про Нину? – неуверенно, но с некоторой надеждой вмешался Альдо.

– Расскажу, папа, обещаю. Только попозже, мы оба устали, особенно Нина. Вы же не обидитесь, если мы немного отдохнем? Путь из Венеции был неблизкий.

– Неужто из Венеции? Тогда, конечно, мы подождем.

Они поели в молчании. Нико, похоже, чувствовал себя лучше некуда, пока брат вертелся у него на коленках, собака кружила у ног, а сестрица мыла посуду с таким рвением, что чудом не перебила всё вдребезги. А вот Нине, в отличие от него, кусок в горло не лез.

Девушка, конечно, ожидала, что ее появление в доме Джерарди станет сюрпризом для родственников Нико и они наверняка будут разочарованы его поступком. Однако Роза повела себя так, будто Нина втянула ее брата в какое-то ужасное преступление – воздух на кухне сейчас почти ощутимо накалился от ее враждебности. А если Карло прав, и Роза действительно так сильно переживает из-за всей семьи, значит, эта женщина находит усладу не столько в счастье, сколь-

ко в огорчениях и злобе.

– А она красивая, – шепнул Карло на ухо брату, будто нарочно дождавшись момента, когда на кухне воцарится полная тишина. – Мне ее волосы нравятся, они как будто из пружинки сделаны.

– Это называется «кудри». И да, я согласен, она очень красивая, но нельзя говорить о Нине так, будто ее тут нет. Это невежливо.

– А что мне тогда говорить?

– Можешь расспросить ее о Венеции.

– И какая она, Венеция, а, Нина? – охотно спросил Карло.

– Неужели ты там никогда не был? Нет? Что ж, Венеция – удивительно прекрасный город. Вместо улиц там каналы и...

– Это я знаю. Все это знают!

– И правда. А ты знаешь, что венецианцы не держат мулов вроде вашего Красавчика? Они перевозят вещи на ручных тачках. А у очень богатых людей в домах есть ангара для лодок, внизу, там, где у обычных домов подвалы.

– И ты жила в таком доме с лодками?

– Нет. Мой дом... э-э... – Нина вовремя спохватилась. – Я жила в общежитии с другими студентками. Ангара там не было – дом для этого маловат.

– А когда вы с моим братом поженились?

– Карло, ну хватит, – вмешался Нико. – Ты разве не слышал, как я сказал папе, что мы с Ниной устали? Сейчас мы немножко отдохнем, и потом, за ужином, я расскажу тебе

всю нашу историю без утайки. А теперь беги. И вы все тоже не засиживайтесь, у вас полно дел. – Нико встал, вытолкнул младших с кухни и собрал за ними пустые миски. Грязную посуду он отнес Розе в раковину, и, хотя Нина понимала, что невежливо так на них обоих тарашиться, не могла отвести взгляд. Нико поцеловал сестру в висок, что-то шепнул ей на ухо, и его слова, похоже, немного ее успокоили, по крайней мере утихомирили гнев, потому что она кивнула, вытерла глаза тыльной стороной ладони и даже мимолетно улыбнулась брату. Но она по-прежнему не обращала ни малейшего внимания на присутствие Нины.

Нико, подхватив сумки, повел девушку к двери в дальней стене кухни. В двух шагах по коридору была комната, в которой царили тишина и полумрак.

– Это гостиная, но мы ею никогда не пользуемся, – пояснил Нико.

Он взял Нину за руку и потянул ее за собой вверх по короткому лестничному пролету, по площадке между этажами и дальше, по еще одному, более узкому, ряду ступенек в коридор, где было по две двери с каждой стороны.

– Это комната моего отца, напротив спальня девочек, рядом – мальчиков, а эта – моя. То есть теперь наша.

Комната мало отличалась от той, где они ночевали в доме его тетушки. Здесь были такой же деревянный настил на полу, незамысловатая мебель и беленые стены. На кровати лежало стеганое покрывало безукоризненной белизны, над

изголовьем висело распятие; на полу выцветший тряпичный коврик обещал согреть замерзшие ноги. Роль прикроватной тумбочки играла обычная табуретка, на вешалке у дальней стены висели рубашки и брюки Нико, рядом стоял комод со стопкой книжек и кожаным чемоданчиком, под приоткрытой крышкой которого виднелись бритвенные принадлежности. Перед окном был установлен деревянный стул под таким углом, чтобы сидящий мог любоваться бутыльно-зелеными склонами гор.

Нико поставил вещи на пол, пересек комнату, открыл окно и опустил жалюзи.

– Ну вот, теперь здесь достаточно темно, чтобы заснуть. – Он снял куртку, отстегнул подтяжки и, усевшись на кровать, принялся развязывать шнурки на ботинках. Затем сдернул стеганое покрывало, аккуратно сложил его и пристроил в изножье кровати, то же самое проделал с одеялом и простыней и улегся на матрас, похлопав по узкой полоске свободного пространства рядом с собой:

– Снимай пальто, туфли и ложись. Ты ведь знаешь – подле меня тебе ничто не угрожает. Хотя... – Нико усмехнулся, – я могу нанести ущерб твоим ушам – братья говорят, я ужасно храплю.

Отказываться было глупо, к тому же Нине не хотелось опять заставлять его спать на полу, поэтому она поступила так, как он предложил, и улеглась рядышком на бок. Но кровать оказалась настолько узкой, что невозможно было со-

блости приличную дистанцию. Она чувствовала спиной тепло его тела, и это отвлекало – Нина даже подумала, что наверняка не сможет заснуть. Однако ритм спокойного дыхания Нико убаюкивал ее, а в комнате царили такой приятный полумрак и тишина, что девушка решила наконец закрыть глаза – всего на минутку или на две, а потом она, конечно же, сядет у окна и будет думать о доме и родителях...

Когда Нина проснулась, в спальне было темно хоть глаз выколи, и она ужасно замерзла, несмотря на одеяло, которым ее, должно быть, накрыл Нико перед уходом. Она прислушалась к незнакомым звукам нового дома: внизу звенели детские голоса, издалека доносилось мычание коров, неразборчиво бормотало радио, раздавался перестук горшков и кастрюль.

Сев на кровати, Нина надела туфли и, раз уж зеркала здесь все равно не было, в темноте пригладила волосы ладонями, расправила на себе одежду, а затем осмелилась спуститься на кухню.

Роза стояла у очага, помешивая что-то в большом железном котле. Она наверняка слышала, как Нина спускалась по ступенькам, но не обернулась, не заговорила, даже виду не подавала, что заметила ее появление. Нико с отцом были во дворе – их голоса звучали где-то совсем близко, словно на расстоянии вытянутой руки. Решив не испытывать себя на прочность, вступая в противостояние, Нина прошла мимо Розы во двор, глядя себе под ноги и ступая точно по линии

стыка между плитами пола, словно это был туго натянутый канат.

Как она и надеялась, Альдо и Нико сидели возле дома на скамеечках под оливой; у их ног прилегла собака.

– Простите, я что-то заспалась, – виновато сказала Нина.

– Ты ведь устала. – Альдо встал, уступив ей скамеечку, и собака, которая еще секунду назад дремала, тоже тотчас вскочила и принялась переводить взгляд, полный обожания, с одного хозяина на другого.

– Как ее зовут? – спросила Нина.

– Сельва, – ответил Нико. – Это собака отца, но меня она любит больше.

– Что правда, то правда, – признал Альдо. – Когда Нико рядом, Сельва на меня и внимания не обращает.

– Я тут рассказывал отцу, как мы познакомились, – непри-
нужденно сообщил Нико.

Девушка кивнула, тотчас занервничав – все-таки они не успели до конца обсудить историю, которая на самом деле вовсе не была романтической.

– Родители не возражали против твоего отъезда, Нина?

– Я же говорил тебе, папа: у нее никого нет. Поэтому я и не сомневался, что она поедет со мной, если я позову. Учитывая нынешние обстоятельства... На моем месте ты сделал бы то же самое.

«Никого нет. *Никого нет*». Она была готова мириться с этим вымыслом, но слова, сказанные вслух, прозвучали так

резко, будто это была чистая правда...

– Я ожидал от тебя чего-то подобного, – кивнул Альдо, – но твоя сестра... Новость ее сильно огорчила.

– Понимаю. Я с ней обязательно поговорю и постараюсь все объяснить.

– Ты же знаешь, Роза надеялась, что однажды ты вернешься в семинарию. Она ведь была против того, чтобы ты бросал учебу.

– Да, – прервал отца Нико, повысив голос, – но после гибели Марко у меня не было выбора. Мне пришлось вернуться домой. И я рад, что вернулся – тебе это прекрасно известно.

– Известно. И Роза с твоим возвращением мало-помалу почти смирилась. Ты же в курсе, она терпеть не может сюрпризы. Помнишь, как она отнеслась к новости о том, что Марко и Лука записались в добровольцы?

– Она до сих пор из-за этого злится, несмотря на то что они дали себя убить месяц спустя.

– Нико, перестань. Может, прогуляетесь к отцу Бернарди? Еще есть время до ужина.

– Хорошо. Что скажешь, Нина? Ты не слишком устала?

– Нет, вовсе нет, – отозвалась девушка и встала, опираясь на руку Нико. – Буду рада с ним повидаться.

– Вы что, знакомы? – удивился Альдо. – Но я думал...

Только сейчас Нина поняла, что чуть себя не выдала.

– Прошу прощения, я неверно выразилась. Хотела сказать – буду рада с ним познакомиться.

– Понятно. Что ж, тогда в добрый путь, и смотри, чтобы Нико и отец Бернарди не заболтались, позабыв о времени, как обычно. Ужин станет твоей первой трапезой в новом доме, так что не опаздывайте.

Глава 7

Нико взял Нину за руку и повел со двора, но даже когда они вышли на дорогу, исчезнув из виду, он ее не отпустил. Возможно, ему тоже нужна была поддержка, какое-то утешение после неловкого возвращения домой и ее дурацкой ошибки – фактически признания в знакомстве с отцом Бернарди.

– Поверить не могу, что сморозила такую глупость... – пробормотала Нина.

Но Никколо беспечно отмахнулся:

– Мой отец даже внимания не обратил. Можешь не волноваться на этот счет.

Дом приходского священника, жилище отца Бернарди, стоял всего в нескольких метрах от церкви – скромный, покрытый штукатуркой, с оконными ящиками для цветов, в которых переплелись длинные стебли герани. Священник сам открыл дверь, когда молодые люди постучали, и впустил их в чистенькую прихожую, где пахло полированной мебелью, ладаном и едва заметно крепким кофе.

Отец Бернарди повел их в свой кабинет и дальше, мимо заваленного книгами и бумагами рабочего стола к диванчику у окна. Диванчик тоже был завален книгами; мужчины расчистили его, и хозяин, без особого успеха попытавшись придать валикам и подушкам, продавленным стопками уве-

систых томов, округлый вид, наконец усадил гостей.

— У меня осталось немного кофе. Сейчас попрошу дражайшую синьору Вендрамин приготовить его для нас.

— Что вы, не стоит, отче, — покачал головой Нико. — Мы ненадолго — должны вернуться к ужину. Может, в другой раз.

— Что ж, ладно, — проговорил священник, устраиваясь в кресле. — Ну, как у вас дела? — поинтересовался он. — Как добрались?

— Долго добирались, — коротко ответила Нина. Она была рада встрече со старым папиным другом, но у нее не нашлось душевных и физических сил на светские любезности. — Когда мы виделись с вами в Венеции в прошлом году, вы уже знали?

— О желании твоего отца найти для тебя укрытие? Тогда еще не знал. Он написал мне в минувшем месяце, попросил подыскать тебе безопасное место, где можно переждать войну.

— Почему только мне? А как же они с мамой?

— Я спрашивал его об этом, и не один раз. Он считает, что переезд пагубно скажется на здоровье твоей матушки и станет для нее слишком сильным душевным потрясением.

— А меня, значит, избавить от душевного потрясения он не захотел, — буркнула Нина.

— Просто он знает, что ты достаточно сильная девочка, чтобы это выдержать, — сказал отец Бернарди, и в тоне его звучало желание скорее успокоить ее, чем осудить. — И ты

непременно выдержишь. Не забывай, что здесь ты среди друзей.

– Мне ничего неизвестно о деревенской жизни. Я не знаю, как здесь готовить еду, убираться и вообще делать что-то полезное.

– Научишься. Нико тебе поможет.

Молодой человек кивнул.

– Моя сестра была не слишком дружелюбна в день нашего приезда. Прости, – добавил он.

– Мне кажется, нехорошо ее обманывать, – покачала головой Нина. – Ее и вашего отца.

– Мы с отцом Бернарди обсуждали, можно ли им все рассказать. И очень хотели это сделать. Но пришли к выводу, что лучше держать твою историю в тайне от всех.

– Вы им не верите? – спросила она, внезапно занервничав.

– Верим, – ответил отец Бернарди. – Никто из них ни за что на свете не выдаст тебя. Но проблема в том, что сохранить такую тайну в семье, где есть маленькие дети, просто невозможно. Они же всё слышат, знаешь ли, а Карло ходит в школу, и, если ты еще не заметила, он очень словоохотливый юноша. Достаточно одного неосторожного слова, оброченного, к примеру, за ужином, чтобы погубить всех нас. К тому же школьный учитель Карло – известный доносчик, обо всем докладывает фашистам.

– Я согласен с отцом Бернарди, – сказал Никколо. – Лучше, чтобы правду знали только мы трое.

И он, и священник говорили так спокойно и взвешенно, будто для них это было обыденное дело – прятать людей, и оно не грозило им тюрьмой или чем-то похуже.

– Почему ты это делаешь? – спросила Нина, повернувшись к Нико. – Мой папа дружит с отцом Бернарди, а не с тобой, и тем не менее ты ради меня так рискуешь. Ради чужого человека.

– Как я мог не предложить тебе помощь? Кем бы я был после этого? А чужой ты оставалась для меня ровно до того момента, пока мы не познакомились.

– Многие бы отказались мне помогать.

– Я не в ответе за решения других людей и могу делать лишь то, что сам считаю правильным. И я верю, что у нас все получится. Меццо-Чель – тихое местечко. Тут никто не станет тебя искать.

– Да, у нас ты в безопасности, – кивнул отец Бернарди. – Но я вынужден кое о чем тебя попросить, Нина, и выполнить эту просьбу тебе, вероятно, будет нелегко. Видишь ли, боюсь, пока ты здесь, тебе придется посещать мессу.

Ну разумеется... Ей надо было это предвидеть: даже самые благородные христиане считают, что оказывают евреям большую услугу, приобщая их к своей религии.

– Вы просите меня принять вашу веру?

К ее удовлетворению, на лице священника отразился неподдельный ужас:

– О Боже, нет, конечно же нет! Я бы *никогда* не попросил

тебя ни о чем подобном. Тебе нужно лишь показываться в церкви время от времени. Мысли и убеждения – твое личное дело. Господь мне свидетель, я говорю искренне.

И Нина ему поверила. У нее не было причин для сомнений, но почему же тогда пришлось сделать над собой усилие, чтобы сдержать слезы?..

– Нам пора возвращаться, – сказал Нико. Если он и заметил ее замешательство, не стал упоминать об этом вслух, чтобы окончательно не смутить девушку. – Мы не хотим огорчить мою сестру опозданием на ужин.

– Конечно, конечно, – закивал отец Бернарди. – Стало быть, увидимся с вами в воскресенье.

Они уже подходили к двери, когда Нина решилась задать священнику последний вопрос:

– У вас нет весточки от моих родителей?

– Как только будут новости от них, я сразу сообщу тебе. Обещаю.

Через несколько минут они уже были на ферме, но Альдо, все так же сидевший на скамейке под оливой, вместо того чтобы сразу позвать их в дом, сказал, что стол еще не накрыт.

– Можешь пока показать жене окрестности, – предложил он.

– С удовольствием посмотрю, – кивнула Нина, и не потому, что хотела отсрочить момент возвращения на кухню под ледяной взгляд Розы. Ей действительно было любопытно побольше узнать о том месте, где ей предстояло гостить

до возвращения к родителям.

– Твоя семья всегда здесь жила? – спросила она Нико, когда они отправились на прогулку.

– Насколько я знаю, да. Этот дом построил мой прапрадед на месте другого, поменьше.

– Такого, как у твоей тети Элизы?

– Да. Я всегда подозревал, что прапрадед неожиданно разбогател, поэтому и дом у нас такой здоровенный, и некоторые архитектурные детали очень даже изысканные.

– А что на верхнем этаже? Еще спальни?

Нико покачал головой:

– Там у нас зернохранилище. Лестница на третий этаж идет по внешней стене здания, ты ее увидишь через минуту. А это загоны для скота. Вон там у нас пара молочных коров, в соседнем стойле быки, дальше клетки с кроликами. И еще есть куры, несколько дюжин. Днем они путаются у всех под ногами, а вечером мы запираем их в курятнике.

Они остановились у пустого загончика, и Нина вопросительно посмотрела на Нико.

– Отец на прошлой неделе отвез свинью к дяде на ферму. Мы откармливаем свиней на убой, а когда подходит время, братья с отцом едут к нему.

– А ты нет?

– Нет. У меня для этого слишком слабые нервы. Я даже курице шею свернуть не могу, когда Роза просит, а при виде крови у меня голова кружится.

Нина не удержалась и хихикнула:

– У такого взрослого парня?

– Ну да, смейся. Мне за свою слабость приходится расплачиваться – пока отец с братьями разбираются со свиньями, я тут остаюсь один на хозяйстве. – Нико вдруг повернулся к ней, нахмурившись, будто ему в голову пришла внезапная мысль. – Мы почти всё готовим на свином сале. Ты ведь не возражаешь?

– Как-нибудь переживу. Но от свинины все-таки предпочла бы воздержаться.

– Не бойся, мясо у нас на столе бывает в основном куриное, да и то очень мало, на один зубок.

Они прошли мимо дремавшего в стойле Красавчика, который смешно прядал ушами при каждом всхрапе. Нико нагнулся погладить проходившего рядом кота.

– Этот парень у нас почти домашний, но от других котов лучше держись подальше – те все дикие.

Они прошли под сеновалом, таким низким, что Никколо пришлось наклонить голову, и вернулись вдоль дальней стены хлева к дому с тыльной стороны. Здесь, как он и говорил, ступеньки круто поднимались к верхнему этажу, а в метре перед ними была наполовину утопленная в земле дверь.

– Это вход в винный погреб, – пояснил Нико, проследив взгляд девушки. – Понятия не имею, почему его сделали на задворках. Можно было бы и в доме устроить.

Они завернули за угол, и взору открылись поля.

– Отсюда видно всю ферму, – принялся рассказывать Нико. – На самом верху, там, где склон круто забирает вверх, у нас растут оливковые деревья и несколько фруктовых – яблони, сливы, абрикосы. У подножия холма мы косим траву, чтобы заготовить сено для скота. А там, где земля почти плоская, у нас большие поля. Яровую пшеницу собрали в июне, теперь взялись за кукурузу, она созрела на позапрошлой неделе. Когда стебли подсохнут, их тоже скосим и будем засеивать озимые. Еще у нас вон там виноградник, а за ним овощные грядки.

– И вы сами здесь управляетесь – ты с отцом и братьями-сестрами?

– По большей части – да. Наши дядья и кузены помогают с обмолотом пшеницы и кукурузы, со сбором винограда. А мы помогаем им. Работы на ферме много, но живется здесь хорошо. Если, конечно, умеешь обходиться без элементарных вещей, от которых никто вот так запросто не отказался бы.

– Например, без горячей воды и мягкой постели?

– Ну да. И если готов вставать каждый день до рассвета, чтобы подоить коров и задать корм всем животным, а потом работать в поте лица до темноты.

– Ты не жалеешь о том, что вернулся домой после смерти старшего брата?

– Ничуть не жалею. И никогда не жалел. Поначалу было ужасно тяжело, потому что мы все хотели, чтобы он снова был с нами, живой и здоровый. Но теперь я даже представить

себе не могу, что когда-нибудь снова покину ферму.

– Когда вы с отцом говорили о Марко, упомянули еще одного человека...

– Лука был лучшим другом Марко и женихом Розы. Они с Марко погибли в один день весной сорок первого года при осаде Тобрука. Меня не было дома, когда сюда долетела эта весть. Папа даже не сообщил мне, что парни записались добровольцами. Думаю, он понимал, что иначе я сразу примчусь домой. А когда стало известно, что их обоих убили, все горевали так, что ты и представить себе не можешь. Все, кроме Розы. Она не уронила ни слезинки, продолжала заниматься обыденными делами, как будто ничего не случилось... и с тех пор ни разу не упомянула о Луке. Словно он и не жил никогда.

«Как это возможно? – подумала Нина. – Любить человека, скорбеть о нем, каждое утро просыпаться, осознавая в очередной раз, что его нет и не будет рядом, и при этом никогда больше не произносить его имени? Как Розе удалось просто вычеркнуть мужчину, которого она любила, из своей жизни?»

– Нико! Нина! Никонина! Нико-никонина! Ужинать пора! – заорал Карло, примчавшийся с раскинутыми, как крылья аэроплана, руками, и сорвался на восторженный визг, когда брат подхватил его и закружил в воздухе.

– Слышишь, Нина? Ужин готов. А знаешь, что будет, если мы не поспешим к столу? Скажи-ка ей, Карло.

– Маттео и Пауло, два проглота, слопают всё подчистую!

– Точно! Так что летим обратно стремительно. Представь себе, что ты – «Пиппо». Посмотрим, сможет ли Нина нас догнать. Внимание... старт!¹⁷

Нина, не желавшая остаться в одиночестве, тоже помчалась во все лопатки. Никогда в жизни она так быстро не бежала, но все же отстала. Нико, заметив это, обернулся на бегу и, взяв ее за руку, потянул за собой, а когда она споткнулась, подхватил на руки и бежал так до самой двери в кухню. Так и закончилась эта гонка.

---

¹⁷ «Пиппо» – мифический самолет-призрак, о котором ходили легенды на севере Италии во время Второй мировой войны.

Глава 8

24 сентября 1943 года

Нина проснулась на рассвете, спиной почувствовав пустоту.

– Нико?

– Я здесь. – Он сидел на краю кровати и завязывал шнурки на ботинках. – Хорошо спала?

– Да.

Прошлой ночью они легли спать вскоре после детей, и, как и раньше, в их первые две ночи, проведенные вместе, вернее, как в прошлую ночь в настоящей, своей, спальне, Никколо повернулся к ней спиной. К тому времени, как она разделась и нырнула под одеяло, натянув его до подбородка, он успел всего лишь развязать шнурки на ботинках. Потом молодой человек продолжил раздеваться, но Нина не знала, в какой одежде он остался и надел ли пижаму, потому что тоже отвернулась и зажмурилась. Разумеется, ей показалось невозможным даже спросить об этом, когда он улегся рядом осторожно, чтобы не столкнуть ее с узкой кровати, и вытянулся на самом краю матраса.

Утром Нико молча встал и оделся – наверное, предварительно сняв пижаму, если она на нем, конечно, была. Нина решила, что выяснить, в чем он был одет, можно будет, ко-

гда настанет время стирки, и подумала, что глупо, конечно, заикливаться на таких вещах, однако...

– Я знаю, у тебя сегодня Шаббат, но для нас это обычный день. По субботам мы делаем уборку во всем доме. Извини...

– Ничего страшного. Мой папа никогда не придавал соблюдению Шаббата чрезмерного значения. Он не мог относиться к этому иначе – ведь его помощь могла понадобиться пациентам в любой момент, особенно если речь шла о родах. Папа говорил, дети словно нарочно рождаются исключительно по ночам.

– Детеныши животных тоже так поступают, – улыбнулся Нико. – Увидимся за завтраком. Но ты не спеши, тебе нужно хорошенько отдохнуть.

Нина некоторое время прислушивалась к его осторожным шагам в коридоре и на лестнице, позволив себе насладиться блаженным состоянием полудремы, а потом у нее заурчало в животе, снаружи донеслись голоса проснувшихся детей, и она испугалась, что разозлит Розу, если провалается в постели еще хоть минуту. Поэтому Нина поспешно встала, натянула ту же одежду, в которой ходила последние несколько дней, расчесала волосы, подобрала их сзади, заколов парой шпилек, и спустилась в кухню, где оказались все, кроме Никколо и Альдо – вероятно, они еще работали в хлеву.

– Утро доброе, Нина, – сказал Карло. – Садись рядом со мной!

– С удовольствием, – улыбнулась она. – Что вы едите?

Пахнет волшеббно.

Мальчик душераздирающе вздохнул:

– Полента с молоком. Терпеть ее не могу.

– Тебе повезло, что она у тебя в тарелке, – отрезала Роза, не отводя взгляда от кастрюли, в которой она что-то помещивала. – Так что не ной, или я пожалуюсь отцу Бернарди и он тебе пропишет девятину.¹⁸

Нина понятия не имела, что означает в данном случае «девятину», но, взглянув на выражение лица Карло, поняла, что не хотела бы оказаться на его месте.

Роза тем временем плюхнула в миску перед ней половник исходящей паром поленты и плеснула туда же немного теплого молока. Молоко было теплым, потому что его только что надоили, догадалась Нина. В лужице цвета слоновой кости отчетливо виднелись желтые прожилки молочного жира, но ни за что на свете она не стала бы выражать по этому поводу недовольство вслух. Карло, повинувшись немоу приказу Розы, притащил кружку и поставил ее у локтя Нины. «Кофе», – робко шепнул он, но лишь сделав добрый глоток, девушка поняла, что это *caffè d'orzo* – мерзкий заменитель из обжаренного ячменя, от которого раньше она всегда нос воротила, а теперь выпила за милую душу.

Когда они уже заканчивали завтракать, вернулись муж-

---

¹⁸ Девятинa (новена) – в католичестве чтение определенной молитвы на протяжении девяти дней подряд.

чины и тоже получили свои порции поленты, молока и эрзац-кофе. В их миски, как только большая часть поленты была съедена, Роза еще добавила жирные куски жареной свинины.

Приятно было бы посидеть за столом подольше и поболтать, но младшие дочери под суровым взглядом Альдо уже взялись за веники и половые тряпки, а затем выволокли из угла большую деревянную бадью.

– Девочки, приступайте к уборке, а я пока тут на кухне закончу, – сказала Роза.

Нина не поняла, относится ли это указание и к ней тоже, или для нее будет какое-то другое поручение.

Ее замешательство, разумеется, не укрылось от Нико.

– Может, Нина сегодня поможет девочкам? Ты не против, Роза?

– Нет.

– Девочки, только не забывайте, что Нина у нас училась на медсестру. Она много знает о том, как ухаживать за больными людьми, но убираться в доме ей в последний раз приходилось давным-давно.

– Наверно, вам придется напомнить мне, как это делается, – вздохнула Нина и бросила украдкой на Нико благодарный взгляд, а тот улыбнулся и подмигнул ей в ответ.

Уборку начали со спальни Нины – сняли простыни, и вместо матраса под ними обнаружилось войлочное одеяло, брошенное поверх набитого чем-то мягким огромного холстя-

ного чехла, содержимое которого уже так слежалось под весом двух тел за пару ночей, что вся конструкция стала совсем плоской. Следуя указаниям Агнесы, Нина подняла чехол, взбила его, как гигантскую подушку, и положила обратно на кроватьную сетку.

– А что там внутри? – поинтересовалась она, потому что сильно сомневалась, что пуховая перина могла бы так хрустеть и шуршать, как этот самодельный матрас.

– Кукурузная шелуха, – ответила Анджела, – а сверху мягкая подстилка, чтобы скорлупки не лезли наружу.

Они застелили постель чинеными-перечиненными, но свежими, крахмально-ломкими простынями, прошлись по всей комнате влажными тряпками, собирая пыль с мебели, и Анджела понесла на улицу выбивать и проветривать деревенские плетеные коврики.

Дальше настало время подметать и мыть полы. Девочки терпеливо показали Нине, как держать метелку, чтобы пыль не разлеталась клубами, а когда все закутки были тщательно выметены, еще и поблагодарили ее за помощь, хотя она скорее добавила им хлопот.

Потом они все вместе затащили по лестнице наверх ведра горячей мыльной воды, и Нина сначала усвоила, как правильно сворачивать тряпку для пыли и подкладывать под коленки, чтобы их не намять, а потом – как драить полы.

– Начиная из угла, чтобы потом не ходить по мокрому, – посоветовала Анджела.

– Хорошенько потряси швабру над ведром, чтобы луж на полу не наделать, – добавила Агнеса. – А как только вымоешь половицы, протри их чистой сухой тряпкой. Справишься здесь сама? Мы с Анджелой можем взять еще одно ведро и заняться папиной комнатой.

– Это будет разумно. Я вас позову, если что.

К тому времени, как Нина закончила уборку в своей спальне, девочки успели вычистить остальные три – ей осталось только помочь им с коридором и лестницей, а когда они домыли самую нижнюю ступеньку, настала пора обедать.

Еду, которую поставили перед ней на столе, Нина жевала, не поднимая глаз и не участвуя в разговоре. Несмотря на усталость, она получала удовольствие. На первое у них была *pastina in brodo*, на второе – *ragù* с курицей, и хотя курицы в этом блюде оказалось совсем мало, зелень, картошка и прочие овощи были восхитительны. Нина съела все подчистую, выпила целый бокал вина, налитого для нее Альдо, и даже прикончила полную чашку *caffè d'orzo*, полученную в конце обеда.¹⁹

Все это время ей не давала покоя мысль о том, как дожить до вечера, ведь она невероятно устала. Даже бессонные ночи, когда приходилось вместе с отцом посещать пациентов, ее так не выматывали, да и вообще она никогда не была бездельницей. Однако несколько утренних часов за уборкой сельского дома лишили ее всех сил.

---

¹⁹ Пастина (мелкие макароны) в бульоне (*um.*).

– Агнеса, Анджела, нечего расслаиваться, вы уже поели. Вам еще нужно вычистить кроличьи клетки и курятник, – сказала Роза.

– Давайте, я им помогу, – подала голос Нина. Для разнообразия она сейчас была рада поработать вне дома.

– Лучше наведи порядок в гостиной, – сказала Роза.

– Повезло тебе, – вздохнула Агнеса. – А нам сто лет выгребать кроличьи какашки и куриный помет.

– Ненавижу кур, – поддержала сестру Анджела, – они больно клюются!

Роза сердито воззрилась на Агнесу:

– Нечего за столом на такие неприличные темы разговаривать, тут люди едят еще. – И переключила внимание на Нину: – Для начала протри в гостиной пыль и не забудь о рамах картин, а то девочки вечно забывают.

– Не забуду.

– По обоям можно пройти влажной тряпкой, но ни в коем случае не мокрой, а то разводы останутся. А после этого вымой пол.

– С прошлой субботы в гостиную никто и не заглядывал, – заметил Никколо. – Может, достаточно будет просто протереть пол?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.